

Яков Пляйс
доктор исторических наук, профессор,
ученый секретарь экспертного совета ВАК РФ
по политическим наукам

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ.

До начала 90-х годов нашего века в России не существовало систематизированной политической науки. За сто лет до этого, в конце XIX – начале XX веков, когда эта новая общественная наука активно утверждалась в США и во многих странах Европы, в России началось формирование лишь некоторых ее направлений и прежде всего то, которое было связано с государственностью. Именно на этом направлении работали Б.Н.Чичерин, В.С.Соловьев, П.И.Новгородцев, И.А.Ильин и некоторые другие российские ученые. Что же касается других направлений, которые уже активно осваивались на Западе (например, таких, как: *политическая власть и ее социальные основы; теория элит; типология политических и партийных систем; политические режимы; политические идеологии; гражданское общество и др.*), то к ним в России даже не приступали. И не могли приступить. В условиях царского самодержавия это было невозможно. (Исключением из правила можно, пожалуй, считать научное творчество М.Я.Острогорского, основательно занимавшегося проблемами демократии и политических партий).

Нет также достаточных оснований считать точкой отсчета *современной* политической науки те попытки, которые предпринимались в 60-е годы и в последующие два десятилетия нашего века группой советских ученых-обществоведов, в которую входили Ф.Бурлацкий, А.Румянцев, Г.Осипов, Ю.Левада, Б.Грушин, Г.Шахназаров, О.Богомолв, Г.Арбатов, Ф.Петренко, М.Титаренко и некоторые другие ученые-гуманитарии. Нисколько не умаляя значения того, что сделали эти талантливые ученые в весьма неблагоприятных для свободного политического научного творчества условиях, следует все же заметить, что в атмосфере господства идеологического единообразия зарождение подлинной политической науки не могло состояться по определению. Хотя некоторые ее направления и, в частности то, которое связано с внешнеполитической сферой, развалились. Другие же не могли даже зародиться, не говоря уже о развитии.

Раздел I. ЗАРОЖДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В СССР И РОССИИ.

Несмотря на неблагоприятную атмосферу, рождение политической науки и ее институционализация состоялись еще в советское время, точнее говоря, перед самым его закатом. И произошло это не без согласия политической, или, точнее говоря, партийной

элиты страны. Именно по воле высшего партийного ареопага 13 марта 1987 г. увидело свет совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР за №327, которое предписывало Государственному комитету СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) совместно с Министерством высшего и среднего образования СССР, Академией наук СССР и с участием заинтересованных министерств и ведомств СССР “пересмотреть и утвердить номенклатуру специальностей научных работников, по которым должна проводиться подготовка докторов и кандидатов наук, в соответствии с новым перечнем специальностей по подготовке специалистов с высшим образованием и с учетом развития новейших направлений науки и техники”¹. (Подчеркнуто мной – Я.П.). Кроме абстрактного и вполне традиционного указания на учет развития наиболее новых направлений науки и техники в цитируемом постановлении не было больше ни одной, так сказать, зацепки, которая позволила бы заинтересованным и современно мыслящим людям добиться включения в номенклатуру специальностей те из них, которые относятся к политическим наукам. Этому едва ли способствовал и п. 85 того же постановления, в котором указывалось на необходимость “наряду с углубленной подготовкой аспирантов и соискателей ученой степени по специальным дисциплинам, марксистско-ленинской философии, иностранному языку, предусмотреть также изучение педагогики, психологии, экономики, применения вычислительной техники, методов математического моделирования и других дисциплин” (подчеркнуто мной – Я.П.) с учетом профиля подготовки аспирантов и соискателей со сдачей ими соответствующих экзаменов по месту обучения”². И в этом пункте, как мы видим (равно как ни в одном другом), нет даже намека на политическую науку.

Тем более удивительным кажется сейчас тот факт, что в постановлении ГКНТ СССР от 4 ноября 1988 г. за № 386 “О номенклатуре специальностей научных работников” были внесены следующие специальности по политическим наукам: 23.00.01 – “теория и история политической науки”; 23.00.02 – “политические институты и процессы”; 23.00.03 – “политическая культура и идеология”; 23.00.04 – “политические проблемы международных систем и глобального развития”. По специальности “политические науки”, но в разделе “социологические науки” в том же постановлении проходили еще две специальности: 22.00.05 – “социально-политические процессы, организация и управление” и 22.00.07 – “общественное мнение”³.

В преамбуле упомянутого выше постановления ГКНТ СССР делалась ссылка на постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 327 от 13 марта 1987 г. и в пункте 1 говорилось следующее: “Утвердить номенклатуру специальностей научных работников, уточненную и

---

¹ Собрание постановлений правительства СССР (отдел первый) №24, 1987, с. 498, п.6.

² Там же, с.495, п.85.

³ Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР. №3. 1989. С.18.

дополненную совместно с Государственным комитетом СССР по народному образованию, Высшим аттестационным комитетом при Совете Министров СССР, Академией наук СССР и другими заинтересованными министерствами и ведомствами СССР, согласно Приложению №1»⁴.

По приказу ВАК при СМ СССР за № 1 от 25 января 1989 г. номенклатура, утвержденная ГКНТ, была принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров.

В таком виде эта номенклатура действовала вплоть до марта 1999 г., когда в нее была внесена еще одна специальность – 23.00.05 – *“Межнациональные институты и процессы”*. Однако 25 января 2000 г. номенклатура политологических специальностей была вновь скорректирована и стала выглядеть следующим образом: 23.00.01 – *“Теория политики, история и методология политической науки”*; 23.00.02 – *“Политические институты и процессы, политическая конфликтология, политические технологии”*; 23.00.04. – *“Политические проблемы международных отношений и глобального развития”*.

Трудно сказать, какой логикой руководствовались авторы такой корректировки, исключившие из прежнего перечня столь важные и актуальные для политической науки и практики нашего времени специальности, как *“Политическая культура и идеология”* и *“Межнациональные процессы и институты”*.

Логика, как представляется, была основана на том, что исключенные специальности можно без ущерба для науки отнести к специальности 23.00.02.

В дополнение к сказанному и для полноты картины имеет смысл упомянуть и о том, какая номенклатура политологических специальностей принята в Международной Ассоциации политической науки (МАПН). В МАПН таких специальностей шесть, и они следующие: *I – Политическая наука: метод и теория; II – Политические мыслители и идеи; III – Правительственные и административные институты; IV – Политический процесс: общественное мнение, отношения, партии, силы, группы и выборы; V – Международные отношения; VI – Национальные и региональные исследования*⁵.

Сравнивая номенклатуру, принятую у нас, в России, с номенклатурой МАПН, легко заметить, что у них немало сходного. И там и там речь идет о теории и методологии политической науки, и в одном и с другом случае говорится о политических институтах и процессах; и в первом и во втором перечне не обойдены вниманием международные отношения. Вместе с тем есть и различия. В российской номенклатуре нет специальности *“Политические мыслители и идеи”*, нет теперь и национального аспекта, который был включен, как уже говорилось выше, в марте 1999 г. и актуальность которого в

---

⁴ Там же.

современных российских условиях нет необходимости доказывать, нет также очень важного для нас регионального аспекта, нет и такой подробной структуры в специальности “*Политический процесс*”, какая есть в номенклатуре МАПН, и что также представляется целесообразным.

Оценивая обе номенклатуры специальностей в целом, можно сделать вывод, что номенклатура МАПН более продумана и адекватна структуре и потребностям политической науки и практики. Российская же номенклатура ей в этом уступает. И, на мой взгляд, могла бы быть скорректирована и приближена к международной. Кроме всего прочего, это облегчало бы взаимодействие и взаимопонимание между политической наукой в России и в мире.

* * *

После утверждения номенклатуры специальностей в ноябре 1988 г. и введения ее в действие в январе 1989 г. прошло около полутора лет, прежде чем состоялись первые защиты кандидатских и докторских диссертаций. Интересно отметить, что вначале (в 1990 г.) состоялись первые защиты докторских диссертаций (их защитили И.Г.Тюлин, Д.В.Ольшанский и Н.В.Жданов), а затем – в 1991 г. – начались защиты и кандидатских диссертаций. Первые специализированные диссертационные советы были созданы в 1990 г. в Институте общественных наук при ЦК КПСС и при Уральском отделении АН СССР. Некоторые существующие специализированные советы по историческим, философским, юридическим и социологическим наукам получили право принимать к защите диссертации по политическим наукам (при условии пополнения этих советов соответствующими специалистами).

Вскоре после этого, начиная со второй половины 1991 г., в вузах России стали создаваться кафедры политологии⁶, преподаваться учебная дисциплина – “*Политология*”. В ряде научно-исследовательских институтов были открыты отделы или сектора политологии. В январе 1991 г. увидел свет первый номер журнала “*Политические исследования*” (ПОЛИС) – специализированный журнал по политологии. Вскоре стали появляться и первые учебники по этой новой дисциплине, читаться первые лекционные курсы, проводиться научные семинары, конференции и т.п. “Одним словом, – отмечал в одной из своих публикаций 1993 года известный ныне ученый-политолог Ю.С. Пивоваров, – политическая наука обрела в нашей стране легальный статус. Это, правда, не означает, что процесс

---

⁵ См. International Political Science Abstracts. Volume 48, №1, Paris I.P.S.A. 1997, p.III.

⁶ По утверждению профессора Гуторова В.А., зав.кафедрой политологии Санкт-Петербургского государственного университета, первая в нашей стране кафедра политологии была открыта в 1989 г. на философском факультете этого университета. (См. “*Полис*”, №6, 1999. С.164).

В октябре того же 1989 года на базе одной из восьми кафедр общественных наук, обслуживавших все факультеты МГУ, была образована кафедра политической социологии, структурно относившаяся к межфакультетскому Центру социально-гуманитарного образования, преобразованного впоследствии

становления политологии как самостоятельной обществоведческой дисциплины завершился. Нет, до этого еще далеко. Однако покончено с той двусмысленной ситуацией, когда не ясно, принимаем ли мы политологию, согласны ли мы с тем, что это особая наука со своим собственным предметом и методологией исследования, со своим теоретическим инструментарием и понятийным аппаратом, наконец, со своими классиками, школами, направлениями и т.д. Теперь ясно – да, принимаем, да, согласны.

Вообще же легализация политической науки в 1989 г. стала последним актом в затянувшейся истории признания этой обществоведческой дисциплины. Первым шагом на этом пути было создание в декабре 1960 г. Советской ассоциации политических наук (САПН). Вторым – проведение в Москве в 1979 г. XI Всемирного конгресса Международной ассоциации политических наук (МАПН). Надо сказать, что и создание САПН, и московский конгресс МАПН чрезвычайно благотворно отразились на развитии политологии. В особенности это касается конгресса в 1979 г., в ходе подготовки и проведения которого, с одной стороны, советские политологи продемонстрировали достаточно высокий профессиональный уровень, а с другой, – оказавшись “лицом к лицу” с ведущими учеными мира, получили сильнейший импульс для дальнейших исследований. Однако “звездный час” политической науки в нашей стране настал лишь в годы перестройки, когда в ней возникла практическая потребность. Именно во второй половине 80-х годов политология из “науки для науки” стала наукой “востребованной”, достижения которой необходимы для решения насущных задач сегодняшнего дня”⁷.

Приведенная в цитате Ю.С.Пивоварова информация о том, что САПН была создана в декабре 1960 г., нуждается в уточнении. По другим источникам, в частности, по “Краткому политическому словарю”, опубликованному в 1980 г. 500 – тысячным тиражом вторым изданием в Москве, Советская ассоциация политических наук была создана Академией наук СССР в 1955 г. и, являясь членом МАПН, ставила “своей целью содействовать развитию политических наук в духе демократии, прогресса, укрепления взаимопонимания и сотрудничества ученых всего мира” (см. с. 319–320). Составленный и изданный в “Политиздате” под общей редакцией Л.А.Оникова и Н.В.Шишлина, этот словарь примечателен во многих отношениях. Прежде всего в том, что наряду с трактовкой абсолютного большинства терминов и определений с марксистско-ленинских классовых позиций, в нем была отражена и буржуазная трактовка. Это позволяло авторам донести до читателя различные взгляды и в том числе те, которые противоречили господствующей в СССР идеологии.

Для иллюстрации сошлемся на то, как в упомянутом словаре интерпретируются определения, связанные с политической наукой, политической системой и политикой. “Политическая наука (политология), – говорится на стр. 319 этого издания, – термин, утвердившийся за общественной наукой, изучающей всю область политических

сначала в Институт государственного управления и социальных исследований МГУ, а затем (в 2000 г.) в факультет государственного управления МГУ.

⁷ Политическая наука в России. Выпуск 1. Сборник обзоров. М. 1993. С.6.

отношений... П.н. развивалась в тесной связи с историей, юриспруденцией и политической экономией, постепенно выделяясь в самостоятельную сферу исследований. К предмету П.н. относятся прежде всего принципы *политической системы общества*, роль и соотношение ее основных компонентов – государства, политических партий, общественных организаций; способы проведения в жизнь государственной политики; регулирование общественно-политических проблем, составляющих понятие *демократии*". Несколько ниже отмечается, что для "буржуазной П.н. характерно отсутствие единой и цельной научной концепции, эклектизм и эмпиризм", что "ей отводится важная роль – функция идеологического упрочения капиталистической системы", что результаты некоторых политологических исследований "используются в деле "усовершенствования" буржуазного государственного механизма в сфере технологии принятия политических решений, функционирования политических партий и т.д."

Классовый подход особенно ярко проявился в трактовке терминов "Политическая система общества" (стр. 320), "Политика" (стр. 317–318) и "Политическая культура" (стр.318–319).

При всей ангажированности и сервильности политической науки в СССР, нельзя не признать, что зарождение некоторых ее направлений состоялось именно в конце 50-х – начале 60-х годов. Речь идет, разумеется, прежде всего о тех направлениях, которые были востребованы временем, или точнее говоря, руководством правящей партии. Кстати говоря, под эти направления, в частности внешнеполитические, в те годы открывались различные академические институты, которые стали издавать специализированные научные журналы и ежегодники, посвященные различным аспектам внутренней и внешней политики СССР и зарубежных стран.

С начала 60-х годов свои ежегодники стала издавать и Советская ассоциация политических наук. Тематика их была достаточно разнообразной. Например, ежегодник 1979 г.⁸, вышедший тиражом 3700 экз., содержал официальные и итоговые материалы XI Всемирного конгресса МАПН, состоявшегося 12-18 августа 1979 г., обзорные статьи по трем основным темам конгресса и ряд статей советских ученых, в частности Б.Л. Губмана, М.Н.Руткевича, Р.О.Карапетяна, Р.Г.Яновского, М.Т.Иовчука, В.В.Лазарева, Э.Н.Ожиганова и Р.Н.Исмагилова.

С докладом "Политические науки и современность" на этом конгрессе выступил вице-президент АН СССР академик П.Н.Федосеев. Кроме него на конгрессе выступали:

---

⁸ См. Проблемы политических наук. К итогам XI Конгресса МАПН. Ежегодник Советской ассоциации политических наук. Изд-во "Наука". М. 1979.

Накануне XI Всемирного конгресса МАПН САПН опубликовала специальный выпуск своего Ежегодника, содержащий материалы советской делегации. Этот ежегодник вышел под названием "Политика мира и развитие политических систем. Навстречу XI конгрессу Международной ассоциации политической науки". М. Наука. 1979.

президент САПН Г.Х.Шахназаров, который как представитель Советского оргкомитета по подготовке и проведению XI конгресса МАПН открывал и закрывал его заседания; член Программного комитета конгресса В.С.Семенов и другие ученые. Доклад Семенова В.С. “Накопление политических знаний с 1949 г.”, произнесенный на пленарном заседании конгресса, вызвал широкий отклик и резонанс среди участников этого форума.

Ежегодники САПН последующих лет были посвящены таким темам как: “Взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики” (1980 г., издан в 1982 г.); “Новый мировой порядок и политическая общность” (1981 г., издан в 1983 г.); “Политическая наука и политическая практика” (1982–1983 гг., издан в 1984 г.).

В 1987 г. вышло сразу два ежегодника: “Политические науки и НТР” и “Развивающиеся страны в мировой политике”, а ежегодник 1990 г. был посвящен теме “Новое политическое мышление и процесс демократизации”.

Кроме ежегодников САПН издавала и другие аналитические и исследовательские работы. Например, на основе переработанных докладов советских участников XI Всемирного конгресса МАПН была издана монография “Ленин как политический мыслитель”. (М.: Политиздат. 1981).

И создание САПН, и открытие новых институтов, и их обширная издательская деятельность были бы невозможны, если бы не хрущевская “оттепель”, во время которой повеяли, хотя и слабые, но все-таки вольные идеологические ветры.

* * *

Следующий “шажочек” был сделан в середине 60-х годов, уже после “оттепели”. Именно в те годы молодые вольнодумствующие ученые типа Ф.Бурлацкого, Г.Арбатова, О.Богомолова, А.Бовина, Л.Делюсина, Ф.Петренко, Г.Шахназарова, Г.Герасимова, М.Титаренко и другие, которые уже упоминались выше и большинство из которых творчески активны по сей день, входившие в группу консультантов в одном из отделов ЦК КПСС, предложили “узаконить” политическую науку в СССР. О том, как это происходило, рассказывает в своей статье “Политическая наука в России” Ф.М.Бурлацкий, председатель Научного совета по политологии при Президиуме Российской академии наук⁹. Как же складывалась ситуация в те далекие годы? Сегодня есть смысл воспроизвести, хотя бы кратко, канву событий тех лет.

5 января 1965 г. в газете “Правда” появилась статья Ф.Бурлацкого “О политической науке”. Но под таким названием статья вышла в первом, раннем выпуске газеты, направляемом на периферию. В московском же издании название было изменено главным редактором газеты на другое – “Политика и наука”. В тексте статьи, как вспоминает Бурлацкий, сохранился призыв к созданию самостоятельного научного направления “Политическая наука”. Мотивы этого выступления, – пишет Бурлацкий, – были связаны не столько с наукой или преподаванием, как с

---

⁹ Независимая газета. 1998. 05 февраля.

политикой. Это была некая претензия на обретение права учеными, интеллектуалами выдвигать, формулировать новые идеи реконструкции нашего государства на общечеловеческих ценностях, на принципах демократии и свободы”.

Реакция зарубежных, в частности, американских корреспондентов на публикацию в “Правде”, была скорой и чрезмерной. Они оценили ее как попытку Бурлацкого и его коллег создать новую науку, чтобы “сокрушить догматический научный коммунизм”.

Не трудно представить себе, как восприняли эту реакцию в партийном истеблишменте КПСС. Уже летом того же, 1965 года в газетном обзоре “Правды” предлагалось отказаться от названия “Политическая наука” так как “все марксистские науки – политические”, и обсудить вопрос о политологии главным образом как преподавательской дисциплине.

Вторая попытка основать политическую науку в СССР, по воспоминаниям Бурлацкого, была предпринята в 1969 г. В этом году вице-президент Академии наук СССР Алексей Румянцев основал в ее рамках целую систему новых гуманитарных институтов. Поддержав группу молодых социологов, состоящую из Г.Осипова, Ю.Левады и Бориса Грушина, он основал и возглавил Институт конкретных социологических исследований. В его рамках было создано направление политической науки, которое возглавил Бурлацкий, ставший заместителем Румянцева. Институт просуществовал около трех лет, после чего он был разогнан. “Однако работа по формированию отечественной политической науки не прекратилась. – пишет Бурлацкий. – Публиковались книги, статьи, в которых разрабатывались категории новой науки. Именно в 70-х годах у нас вошли в оборот понятия “политическая система”, “политическая культура”, “политический процесс”, “лидерство и элита”, “теория принятия решений”, “теория международных отношений”.

Важным импульсом к утверждению политической науки в СССР как самостоятельной науки стал Всемирный конгресс Международной ассоциации политической науки (IPSA), проведенный в Москве в 1979 г., о котором уже говорилось выше. Советская ассоциация политических наук, президентом которой был Г.Х.Шахназаров, представлявшая собой одну из первых крупных ассоциаций, участвовавших в становлении международного политологического сообщества в лице IPSA, приняла активное участие в организации и проведении этого конгресса. При этом она опиралась не только на Академию наук, но и на сеть отраслевых и страноведческих академических институтов и, в частности, таких как Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт Востоковедения, Институт Африки, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) и другие. К концу 70-х годов все эти институты превратились в признанные исследовательские центры, сыгравшие важную роль в становлении политической науки в СССР, а затем в новой России¹⁰.

* * *

---

¹⁰ Подробнее по этому вопросу см. Е.Б.Шестопа. Трансформация политологического сообщества в постсоветской России. Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1999. №1. С.84-85.

При всей важности той работы, которая была проделана в 60-е и 70-е годы, едва ли можно утверждать, что в то время у нас зародилась полноценная системная политическая наука. Начало такой науке было положено в конце 80-х годов, т.е. в годы перестройки. Без общих перемен, которые в эти годы начали происходить в области общественных наук, не могло быть и зарождения политической науки.

* * *

В самом начале процесса зарождения политической науки атмосфера была для этого далека от благоприятной. Чтобы убедиться в этом, вспомним, как складывалась ситуация в области общественных наук во второй половине 80-х годов, когда стало очевидно, как далеко они отстали от потребностей времени.

Старт процессу их обновления был дан на съезде партии (XXVII-м по счету), состоявшемся в конце февраля – начале марта 1986 г. В политическом докладе ЦК КПСС съезду, с которым выступил М.С.Горбачев, говорилось о том, что “партия выдвигает задачу **перестройки высшего и среднего специального образования**”. В резолюции съезда особо подчеркивалось, что “в центр обществоведческих исследований необходимо поставить фундаментальные задачи ускорения прогресса нашего общества, достижения им нового качественного состояния”, ставилась задача “обеспечить оперативный отклик общественных наук на потребности жизни, разработку обоснованных прогнозов и конструктивных рекомендаций для практики”¹¹. Большого внимания общественные науки удостоились и в новой редакции программы КПСС, принятой съездом. В специальном разделе этой программы, посвященной задачам КПСС в области науки, общественным наукам была отведена чуть ли не половина всего текста¹².

При всей важности партийных решений основная практическая работа по реорганизации советского обществоведения началась после съезда.

В середине сентября 1986 г. в ЦК КПСС состоялась встреча с зав.кафедрами общественных наук, которую проводил член политбюро ЦК партии Е.К.Лигачев. Речь на встрече шла *об улучшении марксистско-ленинской подготовки студенческой молодежи, усилении идейно-политического, патриотического и нравственного воспитания советских людей*. В официальном отчете об этой встрече, опубликованной в “Правде”, отмечалось, что на ней было высказано полное “согласие с выводом Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии об известной отдаленности нашей философской, экономической, всей обществоведческой науки от запросов жизни”¹³.

Обсуждение проблем советского обществоведения продолжалось на всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук, проходившем в конце сентября –

---

¹¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. Политиздат. 1986. С.118.

¹² Там же. С.167-168.

¹³ Правда. 1986. 18 сентября.

начале октября 1986 г. С пространными речами на нем выступили М.С.Горбачев и Е.К.Лигачев. “Развертывающаяся перестройка, – отметил Горбачев своем выступлении на этом совещании, – дает ответственнейший социальный заказ всей системе общественных наук. Нуждаются в обогащении на материале современной жизни наши представления о диалектике производительных сил и производственных отношений, социалистической собственности, кооперации, народном самоуправлении и демократии, о развитии общественного сознания, причинах и путях преодоления негативных явлений, да и многие другие”.

Делая в своей речи акцент на необходимости развития теории, Горбачев еще раз напомнил о задаче обществоведов – “преодолеть создавшуюся отдаленность от запросов жизни”. “Нам, – продолжал он, – насущно необходим решительный поворот всего фронта обществоведения лицом к практике”¹⁴.

Повернуться лицом к жизни, фактам призывал обществоведов и Лигачев, выступавший вслед за Горбачевым.

Несмотря на новые нотки и акценты, прозвучавшие в их речах этих политиков, можно констатировать, что принципиальный подход ЦК КПСС к обществоведению в 1986–1987 годах в общем не отличался от подходов предшествующих лет: *общественные науки виделись партийному руководству как идеологические служанки партии, не имеющие права не то что критиковать или отвергать, но даже ставить под сомнение истинность марксизма-ленинизма.*

Очевидно, что именно по этой причине в большинстве официальных партийных и советских документов того времени политическая наука даже не упоминалась.

Наиболее яркой иллюстрацией в этом отношении можно считать постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР **“Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране”**. Опубликовано в газете “Правда” 21 марта 1987 г., т.е. через неделю после утверждения постановления №327, о котором шла речь выше, **“Основные направления перестройки...”** в привычном догматическом духе трактовали проблему развития общественных наук в СССР. В специальном, V-м, разделе этого документа, озаглавленном “Воспитывать идейно зрелых, общественно активных специалистов”, говорилось: *“Предстоит существенно поднять идейно-теоретический и методический уровень преподавания марксизма-ленинизма как незыблемой основы формирования научного мировоззрения советского специалиста... Для улучшения преподавания революционной теории как целостного учения в органическом единстве его составных частей признать целесообразным разработать единые учебные программы по*

---

¹⁴ Правда. 1986. 02 октября.

общественным наукам для различных типов вузов, издать новые учебники и установить государственный экзамен по марксизму-ленинизму”.

Обществоведы и преподаватели других кафедр призывались *“воспитывать у специалистов политическую бдительность, непримиримость к враждебной идеологии”.*

Постановление обязывало *“повысить внимание к политическому образованию преподавателей, изучению ими актуальных проблем марксистско-ленинской теории политики КПСС, активизировать работу методологических семинаров”*¹⁵. (Под политическим образованием преподавателей имелось ввиду, разумеется, традиционное, привычное марксистско-ленинское образование, но отнюдь не новое, политологическое).

В заметно ином духе состояние общественных наук трактовалось на заседании коллегии Министерства высшего и среднего специального образования, состоявшемся 27 ноября 1987 г. Заседание было посвящено вопросам перестройки научно-исследовательской работы в области общественных наук.

Выступая на нем, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС А.Н.Яковлев указывал на недостаток *“теоретических разработок кардинальных вопросов нашего бытия – и внутренних, и международных. К бедам общественных наук он отнес и начетничество, и нездоровую атмосферу, и монополизацию, и групповщину, и просто низкое качество исследований. Причину этих бед Яковлев видел в разрыве нитей между теорией и практикой, в том, что жизнь и наука существуют сами по себе. “Один из уроков прошлого в вопросах развития общественных наук, – говорил Яковлев, – заключается в том, что ничто, пожалуй, не обходится обществу так дорого как теоретические заблуждения и просчеты. И не только в самом прямом материальном выражении, но и в более важном – человеческом, имея ввиду те потери, которые неизбежны в таких случаях в сфере идеологии, морали, общественной психологии”.*

Задача, которая ставилась Яковлевым перед обществоведами, состояла прежде всего в том, чтобы *“полностью восстановить ленинскую концепцию социализма, обеспечить новое прочтение теоретического наследия, созданного нашими предшественниками во имя социального освобождения человека”.* *“Надо, – говорил далее Яковлев, – полностью восстановить ленинскую концепцию общественной практики как критерия качества теоретического знания, возродить научно-критическое отношение к практике”*¹⁶.

Все сказанное наводит на один важный вопрос: что же все-таки побудило партийный ареопаг КПСС дать согласие на легализацию и институирование политической науки в СССР? Ответ состоит, очевидно в том, что действовавшие общественные науки не справлялись с задачей разработки новой политической теории, которая требовалась

---

¹⁵ Правда. 1987. 21 марта.

¹⁶ Правда. 1987. 28 ноября.

архитекторам перестройки. Догматизм этих наук, как выяснилось, оказался непреодолимой стеной для новых веяний в науке и политике.

Важно ответить и на другой вопрос: неужели партийное руководство было готово дать дорогу такой науке как политология, которая по определению должна была быть оппозиционной как по отношению к существующей власти, так и другим общественным наукам, основанным на марксистско-ленинских догматах? Тем более, что в связи с отсутствием собственной политологической базы в любом случае пришлось бы прибегнуть к западной.

Полагаю, что оно, это партийное руководство не понимало до конца всю ту опасность, которая таилась в свободной независимой политической науке и для него, и для партии, и для существующего строя. Или же надеялось, что и эту науку также удастся держать на коротком поводке и поставить себе на службу.

Подобно тому, как это делалось, к примеру, с социологией, которая в то время не называлась иначе как марксистско-ленинская. История трансформации этой науки во второй половине 80-х годов настолько поучительна, что имеет смысл отступить от основной линии изложения и кратко осветить ее.

7 июня 1988 г. Политбюро ЦК КПСС приняло специальное постановление “О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества”. В нем отмечалось, что “реализация курса XXVII съезда партии и последующих пленумов ЦК КПСС на революционную перестройку “...требует усиления роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем социализма, формировании социально-политического мышления у широких масс трудящихся. Это предъявляет качественно новые требования к развитию социологии как науки, использованию результатов социологических исследований в практике управления общественными процессами”¹⁷.

Далее в документе говорилось о большом числе недостатков в области социологии и формулировались 8 крупных задач (как общих, так и конкретных), решение которых было призвано поднять эту науку на “качественно новую ступень”, “существенно повысить теоретический, методологический и методический уровни научных разработок и коренным образом улучшить их использование в управлении и прогнозировании общественных процессов, углублении демократизации и гласности”¹⁸.

Среди многих пунктов постановления политбюро один обращал на себя особое внимание. Это был призыв к социологическим коллективам активно участвовать “в научном обеспечении совершенствования политической системы, всесторонней демократизации общества, реализации принципов социалистического самоуправления, критики и самокритики, гласности, изучения общественного мнения...”¹⁹.

---

¹⁷ Известия ЦК КПСС. №4 (291).С.15.

¹⁸ Известия ЦК КПСС. №4 (291). С.16.

¹⁹ Там же. С.17.

Осуществление научно-методической помощи и координации исследовательской работы центров, советов социологических исследований при ЦК компартий союзных республик, крайкомах, обкомах партии, а также проведение научных исследований по заданиям партийных комитетов возглавлялось на Академию общественных наук при ЦК КПСС и высшие партшколы. В системе политической и экономической учебы вводилось преподавание социологии и социальной психологии; при 12 вузах страны предписывалось открыть социологические факультеты или отделения.

Спустя год и два месяца после принятия постановления Политбюро ЦК КПСС, а именно 11 августа 1989 г. было издано другое постановление – Секретариата ЦК КПСС – “О развитии социологических подразделений в Академии общественных наук при ЦК КПСС и высших партийных школах”. В соответствии с этим документом в АОН был создан Центр социологических исследований и кафедра социологии, а в высших партийных школах – лаборатории социологии партийной жизни. Лаборатории изучения и обобщения опыта партийной, советской, идеологической работы в высших партшколах упразднились. Политическое руководство развитием социологических исследований в 15 ВПШ возлагалось на соответствующие республиканские и региональные партийные органы²⁰.

О чем говорят все перечисленные выше меры? С одной стороны о том, что руководство КПСС ясно видело отсталость всех общественных наук и, в частности, социологии. Видело и понимало настоятельную необходимость преодолеть это отставание, развивать теорию.

Но с другой стороны, речь не шла (и в тех условиях не могла идти) о независимых от партии общественных науках и тем более о независимой политической науке. Речь могла идти только лишь о развитии традиционной марксистско-ленинской общественной науки как таковой. Но такое “развитие” было заранее обречено на провал. По той простой причине, что и марксизм и ленинизм, разработанные в другие исторические эпохи, устарели по своему содержанию. А неустаревшую методологию и методы этих доктрин мало кто понимал, и еще меньше было тех, кто был способен эти методы применять в новых условиях.

Если все выглядело таким образом, то как же все-таки зародилась политическая наука? Какие факторы сыграли здесь решающую роль? На мой взгляд, *основным объективным фактором, способствовавшим возникновению политической науки в нашей стране, была та общая атмосфера, которая царила в СССР в последние годы перестройки и о которой говорилось выше. Именно она позволила современно и здравомыслящим представителям политической элиты и ученым-гуманитариям провести в жизнь идею институционализации политической науки, обретения ею гражданства.*

* * *

---

²⁰ Известия ЦК КПСС. №9. 1989. С.12–13.

Зародившись в конце 80-х – начале 90-х годов, российская политическая наука прошла за 10 лет лишь *этап концептуального становления некоторых своих научных направлений*. Это наглядно видно на следующих примерах.

По данным, приводившимся на I Всероссийском конгрессе политологов, в России, на начало 1998 года, насчитывалось не более 2,5 тыс. политологов (для сравнения: философов, экономистов, историков в стране в 10–15 раз больше по каждой из профессий). Из этих 2,5 тысяч лишь очень малая часть может быть причислена к профессиональным политологам, так как нынешние российские политологи – это почти полностью выходцы из среды историков, философов, политэкономов, юристов, международных и других специалистов²¹.

К началу 1999 г. в вузах России, по данным профессора Шестопаля Е.Б., действовало около 280 кафедр политологии. (Заметим в скобках, что если исходить из того, что весной 1999 г. в России насчитывалось 600 вузов, из которых 268 назывались университетами, 188 – академиями и 123 – институтами, а также из того, что политология относится к числу обязательных учебных дисциплин, то кафедр политологии должно было быть более 280. Даже при том, что в некоторых вузах преподаватели политологии входят в состав других кафедр. Таких, например, как “Социология и политология”, “Политология и право” и т.д.) И число их в последние годы устойчиво росло. По данным Министерства образования, в 1998 году по специальности “политология” набор осуществлялся уже в 10 университетах, включая МГУ им. Ломоносова, РГГУ, Московский государственный гуманитарный университет, Алтайский, Пермский, Воронежский, Санкт-Петербургский, Саратовский, Тульский и Уральский университеты²². Осенью 1999 г. первый набор на факультеты политологии провели МГИМО и Высшая школа экономики.

Общее число ежегодно принимаемых студентов на эти факультеты составляет около 350 человек. Однако в действительности, как считает Е. Шестопаля, профессиональных политологов готовится значительно больше, поскольку этим занимаются также факультеты социологии, права, истории и т.д. После получения образования многие из молодых политологов уходят в сферы, где можно заниматься прикладной политологией, или политическими технологиями, что и более престижно, чем заниматься преподавательской или научной работой, и оплачивается значительно лучше. Тем не менее, часть выпускников посвящает себя науке или преподаванию, чему способствуют

---

²¹ Подробнее по этому вопросу см. М. Горшков. Лицо отечественной политологии. “НГ-сценарии”. №3 (25), март 1998), а также: Политическая наука: новые направления. Под редакцией Р. Гудина и Х. –Д. Клингеманна. Изд-во “Вече”. –М., 1999, с.15-17.

²² Подробнее по этому вопросу см. Е.Б.Шестопаля. Трансформация политологического сообщества в постсоветской России. Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1999. №1. С.94.

аспирантуры, которые есть практически при всех факультетах, осуществляющих подготовку политологов.

Научные интересы современных российских политологов весьма разнообразны, что наглядно подтверждается содержанием III-й части данной статьи. Значительная их часть занята разработкой теоретико-методологических проблем политики и прежде всего таких проблем как: *теория власти и властных отношений, политические системы, политический анализ* и т.п.

Немалое число политологов занимается исследованием политических процессов, политических институтов, политических элит, проблем политического лидерства, политической идеологии, политической культуры, политических конфликтов и т.д. Отраслевые проблемы политики, в частности, такие как взаимосвязь политики и экономики, политики и права, этнополитика, современная геополитика, внешняя политика, военная политика и др. – также находятся в поле зрения российских политологов. Наряду с теоретическими исследованиями абсолютное большинство политологов занимаются также прикладной политологической работой.

Раздел II: ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ: **ЦИФРЫ И ФАКТЫ.**

Состояние любой науки и в том числе общественной легко проверяется языком цифр и фактов. Обратимся к этому языку, чтобы определить, какой путь прошла политическая наука в нашей стране с момента ее зарождения, какие проблемы она решала. А проблемы были следующие:

- подготовка кадров профессиональных политологов;
- формирование научных политологических школ, центров и основных направлений развития;
- поиск и формирование собственной национальной основы политической науки и политологии как учебного предмета;
- развитие теории общей политологии и конкретных направлений прикладной политологии;
- развитие научных и учебных контактов с зарубежными школами и центрами политической науки;
- укрепление связей политической науки и политической практики.

Эти проблемы решались преимущественно формирующимся корпусом профессиональных политологов, прежде всего докторами и кандидатами политических наук, число которых из года в год устойчиво растет.

За период с 1990 г., когда начались защиты первых докторских диссертаций по политическим наукам и по декабрь 1999 г., научная степень доктора политических наук

была присуждена Высшим аттестационным комитетом России (ВАКом России)²³, 150 гражданам России и 25 иностранцам. При этом, если в 1991–1994 гг. к числу докторов наук прибавлялось в среднем по 10 человек в год, то в 1995–1998 гг. – в среднем по 20. В 1999 году степень доктора политических наук была присуждена 25 гражданам РФ и двум иностранцам.

Несколько иные тенденции наблюдались с ученой степенью кандидата политических наук. Если в 1991 году их число было равно всего лишь трем, то уже в следующем 1992 г. к ним прибавилось еще 42. В последующие годы их число понемногу, но устойчиво возрастало: с 56 в 1995 году до 76 – в 1998 году. За 1999 год число кандидатов политических наук возросло на 140, а общее их число составило 511 человек.

По политологическим специальностям ситуация в 1990–1999 годах складывалась следующим образом. Ученые-политологи, как показывает статистика, отдают явное предпочтение специальности 23.00.02 - “Политические институты и процессы”. 40–45% докторов политических наук и 60% кандидатов наук представляют именно эту специальность. Далее по убывающей идут следующие специальности:

	Доктора наук	Кандидаты наук
23.00.04 – “Политические проблемы международных систем и глобального развития”	~22%	~ 20%
23.00.03 – “Политическая культура и идеология”	~22%	~ 6%
23.00.01 – “Теория и история политической науки”	~16%	~12%
22.00.05 – “Политическая социология”	~10%	~2%

При некоторой разнице в научных предпочтениях между докторами и кандидатами наук (в частности, по специальностям 23.00.01 и 23.00.03) общая тенденция все же налицо, наибольшей популярностью пользуется, как говорят политологи вторая специальность.

* * *

Для общественной науки любой страны интерес представляют не только статистические данные, связанные с количеством ученых, занимающихся исследованиями в той или иной отрасли науки, но и география научных центров и школ. Если рассматривать ситуацию в политической науке России под этим углом зрения, то надо будет признать, что фактически монопольным политологическим центром в нашей стране является Москва. Такой вывод напрашивается по крайней мере из двух обстоятельств: 1– из концентрации диссертационных советов и 2 – из количества защищенных диссертаций.

²³ В августе 1998 г. этот комитет был переименован в Высшую аттестационную комиссию Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации (ВАК России).

И в первом и во втором Москва – абсолютный лидер. Из 26 докторских диссертационных советов 22 действуют в Москве, а остальные – в Санкт-Петербурге (2 совета) и Екатеринбурге (тоже 2 совета). Из 27 кандидатских советов основная часть (16 советов) также работает в Москве, а остальные 11 – в Санкт-Петербурге, Воронеже, Казани, Орле, Саратове, Уфе, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и Владивостоке. Из всех поволжских городов выделяется Саратов: в кандидатском диссертационном совете Саратовского государственного университета за 6 лет его работы было защищено более 20 диссертаций. В 1999 г. заметно выросло также число защищаемых кандидатских диссертаций в Казани и Нижнем Новгороде.

Что касается основных центров, где интенсивнее всего ведутся политические исследования, то наиболее мощным и репрезентативным из них является Российская академия государственной службы при Президенте РФ (РАГС). За восемь лет здесь было подготовлено 29 докторов политических наук и в несколько раз больше кандидатов. (В одном 1998 году кандидатами политических наук в РАГСе стало 25 человек, а в 1999 г. – 31 человек). В последние годы к подготовке кандидатов политических наук подключились и региональные академии государственной службы в Санкт-Петербурге, Орле, Волгограде и Ростове–на–Дону, являющиеся фактически филиалами РАГС, расположенной в Москве.

Лидерство РАГС в подготовке ученых-политологов представляется мне явлением позитивным. Прежде всего потому, что в этой академии и ее филиалах обучаются кадры из всех регионов Российской Федерации. Приобщая их к пониманию политики как науки и искусства, и к политологическим исследованиям, невозможным без основательного осмысления внутренней и внешней политики, РАГС не только способствует повышению уровня их аналитической работы и демократической политической культуры, но и вносит важный вклад в подготовку будущей политической элиты России.

Вслед за РАГСом идут такие мощные научные центры как МГУ им. М.В.Ломоносова, Дипломатическая академия МИД РФ, Санкт-Петербургский государственный университет. Во всех этих центрах плодотворно работают кафедры политологии различного профиля, аспирантуры и докторантуры. Все это создает хорошую базу как для подготовки профессиональных политологов, так и для развития политологических исследований.

Говоря о современном состоянии российской политологии, нельзя не сказать и о той роли, которую играют в ней женщины. Как показывает статистика, эта роль с течением времени возрастает. Это подтверждается как ростом числа женщин среди ученых-политологов, так и ростом количества их исследований. Так, если в период с 1990 г. по 1997 г. лишь каждый шестой доктор политических наук представлял женский пол, то в

1998 г. уже 1/3, или 6 из 22 докторов наук. По состоянию на декабрь 1999 года число женщин-политологов выросло на 25 человек. В число докторов политических наук влились Гайнуллина Ф.И., Каменская Г.В. и Полякова Т.М.

В отличие от количественной стороны дела *качественная*, или *содержательная* часть российской политической науки претерпела в 1998 году более основательную трансформацию, что наглядно иллюстрируется тематикой и содержанием докторских диссертаций.

Если в прошлые годы лишь 16 из 120 докторских диссертаций, или всего лишь 15,5% были посвящены отечественным проблемам, то в одном 1998 году таких работ было 12 из 22, или 54,5%, а в 1999 г. – 9 из 25, или 36%. Из них 8 были посвящены общероссийской проблематике (как внутренней, так и внешней), а остальные 3 – региональной. О некоторых из этих работ речь пойдет в 3-й части данной статьи.

Тот факт, что более половины диссертантов посвятили свои исследования российским проблемам, примечателен во многих отношениях.

Прежде всего в том, что российские проблемы волнуют наших политиков не только как исследователей, но и как специалистов, стремящихся помочь своей стране найти выход из кризиса. Такой вывод напрашивается из того обстоятельства, что практически во всех диссертациях содержатся не только теоретические выводы, но и рекомендации для практической политики.

Устойчивый рост числа докторов и кандидатов политических наук, также как рост числа политологических исследований и другие факторы подтверждают вывод многих ученых о том, что *российская политическая наука уверенно преодолевает процесс становления*. Такой же вывод можно сделать и проанализировав содержание диссертационных и других исследований докторов политических наук.

* * *

Проблемы политической науки в России, о которых шла речь выше, были объектом оживленной и порой весьма острой дискуссии, которая состоялась на I Всероссийском конгрессе политологов, проходившем 17–18 февраля 1997 года в Москве.

С инициативой проведения конгресса весной 1997 г. выступило руководство Академии политической науки.

Конгресс прошел при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания РФ, председатель которого Е.С.Строев возглавлял оргкомитет Конгресса, а также журнала “Полис”, Российской академии государственной службы при Президенте РФ, фонда “Регионы России” и Московско-Парижского банка.

В работе Конгресса приняли участие свыше 500 человек, 1/3 которых представляла около 50 регионов России. На конгрессе присутствовали также политологи из стран СНГ – Украины, Беларуси, Киргизстана, Казахстана, Узбекистана.

Работа конгресса началась с пленарного заседания и продолжалась в секциях и на круглых столах. Всего было организовано семь секций:

1. Современная российская государственность: проблемы и тенденции развития.
2. Становление гражданского общества в России: перспективы демократического развития.
3. Геополитические интересы России: вызовы и ответы.
4. Политическое образование в современной России: проблемы преподавания политологии.
5. Прикладная политология: теория и практика.
6. Политическая коммуникация: общественное мнение и СМИ.
7. Военно-политические аспекты безопасности.

На заседаниях круглых столов обсуждались проблемы политической регионалистики, транзитологии, гендерных исследований, изучения партий и общественных движений, отношений между бизнесом и политикой, конфликтологии и т.п.

Материалы конгресса общим объемом более 60 п.л. были опубликованы в 3-х томах, правда очень небольшим тиражом – всего 200 экз.²⁴

Вне формальной программы конгресса его участники, избранные делегатами Конференции Российской ассоциации политической науки, приняли Устав этой ассоциации и решение о ее общероссийском статусе. На конференции было заявлено, что важнейшим приоритетом РАПН является развитие инфраструктуры политологического сообщества.

Для осуществления этой задачи первостепенное внимание будет уделяться становлению региональных отделений ассоциации, формированию базы данных о российских политологах. Планируется издание бюллетеня ассоциации²⁵.

Конгресс, безусловно, послужил новым импульсом к активизации научной деятельности всего сообщества российских политологов, наглядно показал, по каким направлениям идет развитие политической науки в России.

Раздел III: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ **В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Ученые-политологи России ведут свои научные исследования, если говорить в общем, в рамках той номенклатуры политологических специальностей, речь о которых

---

²⁴ См. Современная Россия: власть, общество, политическая наука. Материалы первого всероссийского конгресса политологов в 3-х томах. М. 1999.

²⁵ Подробнее по этому вопросу см. Российская ассоциация политической науки. К первому Всероссийскому конгрессу политологов. Информационный бюллетень. М. РОССПЭН. 1998; Первый Всероссийский конгресс политологов // Ж-л Полис (“Политические исследования”). 1998. №2. СС.183–189.

шла в первом разделе. Фактически все основные темы общей и прикладной политологии так или иначе находятся в поле зрения российских ученых-политологов, как, между прочим, и ученых иных гуманитарных наук: социологии, истории, права, философии и т.д. Речь идет, в частности о таких темах как: “*политическая система*”, “*политическая власть*”, “*политические партии*”, “*политическая элита*”, “*политическая культура*”, “*политические идеологии*”, “*государство*”, “*мировая политика и международные отношения*” и др.

По некоторым из этих тем российские ученые, доктора политических наук создали оригинальные труды, предложили новые идеи и нестандартные решения политических проблем. Сказанное относится не только к внутривнутриполитической, но и международной тематике.

Часть I. Исследования по внутривнутриполитической тематике.

К числу профессиональных политологов, которые занимаются внутренней политикой и исследуют **феномен политики** в антропологическом измерении относится Ю.С.Коноплин²⁶. В его работе, предложена *оригинальная периодизация истории политической науки с учетом антропологической парадигмы*.

Обосновав в своем труде своеобразие проявления политической составляющей в полюсной организации жизни древних греков, Коноплин сделал вывод о наличии в истоках политической науки двух тенденций в объяснении природы политики: политики, ограниченной рамками преимущественно государства, государственного управления (идея Платона) и политики как естественной среды бытия, в которой свободные граждане решают вопросы своего жизнеустройства на основе выбора (идея Аристотеля).

На основе анализа произведений Н.Макиавелли и компаративного исследования теорий политических отношений Гоббса, Локка, Руссо Коноплин показал *возрождение антропологического подхода к политике у теоретиков Нового времени, выразившееся в гражданском и социальном обосновании политики*.

Проблемам **политики и профессиональной политической деятельности** посвящает свои научные работы и ученый-политолог И.М.Модель²⁷, рассматривающий политическую деятельность как один из видов *профессиональной деятельности, а культуру этой деятельности – как один из типов профессиональной культуры*. Понятие “профессиональная культура” определяется Моделем как “характеристика овладения профессиональной группой специфическим видом деятельности в любой сфере

---

²⁶ “*Политическое в теории и истории политической науки (антропологический подход)*”. М. 1996.

²⁷ “*Профессиональная культура муниципального депутата: теоретико-социологический анализ*”. – Екатеринбург. 1993; “*Перед выбором (электоральное поведение населения типичного уральского города)*”. – Екатеринбург. 1993. (в соавторстве).

общественной жизнедеятельности”, как “способ формирования и мера реализации социальных и индивидуальных сил субъекта деятельности”. Генезис профессиональной культуры, полагает ученый, есть результат диалектического опосредования в системе: вид деятельности – профессия – профессиональная группа.

Выделяя две системообразующие стороны структуры профессиональной культуры политики: праксиологическую, понимаемую как интегратор основных алгоритмов политической деятельности, и ментальную, аккумулирующую в себе специфику “духовных” элементов, Модель раскрывает сущность основных аспектов профессиональной культуры: профессионального мировоззрения, профессионального мышления, профессиональной этики и эстетики.

В работах Моделя показана ведущая роль философского знания в становлении профессионального мировоззрения политика и формировании политической картины мира, разработана концепция внутреннего стилевого многообразия сущности основных структурных элементов профессиональной культуры политика. В них также выявлены основные стили общения: рационально-эмоциональный, иррационально-эмоциональный и аппаратный, доказано, что в стиле профессионального мышления отечественного политика рациональное существенно превалирует над иррациональным, чувственным.

На основе теоретических и социологических исследований ученый выявил культурупорождающую роль и особенности формирования индивидуального стиля деятельности в освоении профессиональной культуры политика, показал, что несмотря на адекватность основных закономерностей становления профессиональной культуры российского политика общецивилизационным, основным ее свойством выступает деструктивная тенденция к чрезмерной рационализации стиля своей деятельности.

* * *

На следующем направлении, к которому относится **общая теория политических и партийных систем, включая системы некоторых конкретных стран, а именно России и стран Восточной Европы** работают такие ученые-политологи как М.Г.Анохин, Р.Ф.Матвеев, В.К.Мокшин, И.П.Рыбкин, Т.Ф. Яковлева и некоторые другие.

Научные труды Анохина²⁸ посвящены главным образом проблеме максимального приближения теории *изменяющихся систем к потребностям политологии и политической практики переходного периода, а также в рассмотрении эволюции политических систем в условиях слома старого и формирования нового качества российского общества*. Принципиальное значение для политической науки и практики имеет выявление Анохиным таких факторов достижения устойчивости политической системы, как:

---

²⁸ “Политическая система: переходные процессы.” – М., 1996; “Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость (теоретико-прикладной анализ).” – М., 1996; “Партийные системы: виды и особенности функционирования в различных социально-политических условиях.” – М., 1991.

совокупная деятельность политических институтов; формирование демократических политических отношений; становление и развитие гражданского общества; изменение политического сознания, культуры и менталитета граждан; утверждение реального, а не бутафорского политического плюрализма в лице функционирующей по свойственным ей законам многопартийной системы; применение эффективных современных политических технологий.

В связи с этим Анохиным предложена *концепция устойчивого динамического развития*, основные составляющие и направленность которой спроецированы на Россию²⁹.

Основные аспекты этой концепции, выводы и рекомендации ученого позволили расширить представления о политической системе, о путях, формах, методах и механизмах ее развития применительно к России, о возможностях управления этими процессами.

Другим ученым-политологом, также уделяющим значительное внимание современным политическим системам является Р.Ф.Матвеев³⁰. В его работах разработана оригинальная методология анализа многомерных политических систем. Обосновывая несостоятельность подхода к политическим системам и отдельным институтам как простому объекту политики (как, например, партии или организации), Матвеев сформулировал вывод о наличии узких объективных пределов вмешательства в их жизнедеятельность, доказал неэффективность попыток искусственного ускорения или замедления объективных социально-политических процессов.

Важное значение для политической науки имеют также выводы Матвеева о том, что при всем различии конкретных общественных явлений в современных условиях формируются самонастраивающиеся политические системы, характеризующиеся достаточно высоким уровнем динамической устойчивости. Существенна также мысль Матвеева о политическом процессе, как процессе естественно-историческом, в ходе которого взаимодействуют между собой факторы рациональные и иррациональные, в силу чего вмешательство в него политической власти может осуществляться лишь на определенных условиях и в определенных пределах. Научный интерес представляет также анализ Матвеева, посвященный соотношению стихийного и сознательного, роли политических традиций и механизма их формирования и функционирования.

Выводы ученого опираются на обобщение опыта политической практики ряда стран Западной Европы.

Комплексному изучению проблем, связанных с развитием российской государственности, политической системе, общественных отношений посвящены также

---

²⁹ Подробнее об этой концепции см. в справочнике "От политической мысли к политической науке". – М. 1999, сс. 137–139.

научные труды И.П.Рыбкина³¹. В них вскрываются истоки российского парламентаризма как уникального явления с государственно-правовой, политической, экономической, духовно-нравственной точек зрения, прослежены вехи формирования дооктябрьской Государственной думы, становление и развитие которой проходило в острой борьбе с авторитаризмом, самодержавием, исследованы правовые основы, механизм и результаты выборов Федерального Собрания Российской Федерации в ноябре–декабре 1993 г., проанализированы конституционные основы деятельности Государственной думы.

Исходя из анализа современных тенденций развития политической системы и общества в целом, Рыбкиным предложена развернутая концепция гражданского согласия, показана значимость деятельности Государственной думы в процессе достижения стабильности в России, обосновано одно из ключевых положений концепции Российского парламентаризма – законотворческая деятельность, исключаяющая как ее вторичный характер, так и придание ей силы универсального регулятора, годного на все без исключения случаи жизни.

Положения и выводы, содержащиеся в работах Рыбкина, способствуют формированию более углубленных представлений о практической реализации конституционного принципа разделения властей, о месте и роли парламента и института парламентаризма в политической системе, в ткани гражданского общества.

Политические системы переходного типа в восточноевропейских странах являются объектом исследования доктора политических наук В.К.Мокшина³².

Стремясь к исторической достоверности, Мокшин В.К. в своих научных трудах трактует политические системы общества как совокупность политических институтов, субъектов власти, отношения между ними, протекающих в них процессов, складывающихся в ходе осуществления власти.

Уделяя в своих исследованиях особое внимание переходным политическим процессам, Мокшин обосновывает в них вывод о том, что совокупная деятельность различных политических субъектов, преследующих свои цели и интересы в различных формах и методах политического поведения, а также движущие силы политических отношений, ведущих борьбу за власть и собственность, должны рассматриваться как основные

---

³⁰ “Теоретическая и практическая политология”. – М., 1993; “Теория политических процессов”. – Изд-во СГУ, 1996; “Аналитическая политология” (В пяти выпусках). – М. 1997 г.

³¹ “Государственная дума: пятая попытка. Очерк новейшей истории представительной власти в России.” – М., 1994; “Мы обречены на согласие.” – М., 1994; “Государственная дума. Русский парламент – взгляд назад и путь вперед.” – Вена, 1995 (на нем. языке).

³² “Трансформации политических режимов восточноевропейских стран во второй половине XX века.” Архангельск. 1997; “Общественные изменения в восточноевропейских странах.” Спецкурс. (История и современность). (В соавторстве). – М. 1993; “Восточная Европа: особенности движения к прогрессу.”

составляющие этих процессов. Разделяя мнение некоторых отечественных исследователей о том, что интерпретация переходных политических процессов с точки зрения “классического” понимания власти и собственности не ведет к “правильному представлению о нем”, ученый вместе с тем подчеркивает, что “классическое” понимание власти и собственности должно быть дополнено “неклассическим”, которое отражало бы не только “западную”, но и “постиндустриальную” координату исторического движения постсоциалистических стран. Такой подход, основанный на парадигме “фундаментальный тип собственности” – “степень свободы” – “оверстрат”, является условием анализа сущности системы советского типа и ее трансформации в плюралистическую демократию. До сих пор с позиций названного подхода переходные политические процессы в восточноевропейских странах не были предметом комплексного анализа в отечественной политологии, и Мокшин предпринял попытку внести свой вклад в разработку данной проблемы.

Теоретическая разработка переходных политических процессов, по мнению Мокшина, способствует развитию функционального взаимодействия политических партий и движений в решении проблем власти и собственности на демократической основе, что в свою очередь служит предпосылкой изучения опыта, обогащающего отечественную транзитологию по вопросам создания стабильной политической обстановки для успешного реформирования экономики и политической системы, определения оптимальных путей разрешения социальных конфликтов.

Теоретическому анализу *социально-политических причин кризиса политических структур партийно-государственной системы в странах Восточной Европы, выявлению деформаций политики и идеологии правивших в них в 80-е годы партий, рассмотрению источников распада монопартийной системы и становлению политического плюрализма в общественной жизни* посвящены труды Т.Ф.Яковлевой³³. В них комплексно исследуются малоизвестные социально-политические аспекты кризиса однопартийности в социалистических обществах, дается анализ взаимосвязи политики, идеологии и экономики в условиях однопартийности, раскрывается диалектика становления политического плюрализма.

Широко используя метод сравнительного анализа, Яковлева убедительно доказывает закономерность нарастания в странах Восточной Европы деструктивных процессов, явившиеся итогом несоответствия политических структур системы “партия–государство” тенденциям исторического процесса.

Архангельск. 1993; “Особенности трансформации политических систем восточноевропейских стран в конце 80-х годов” // *Очерки социально-политической трансформации.* Смоленск. 1998 (1 глава) и др.

³³ “Политические процессы в Восточной Европе (80-е) годы. М., 1991; “Политический плюрализм и уроки стран Восточной Европы” // *Основы политологии.* Курс лекций. М., 1991.

На основе сопоставления сложившихся партийных систем в странах Восточной Европы ею прослеживается эволюция политических процессов и выявляется своеобразие форм политического плюрализма, интенсивность его проявления, тенденции формирования новых политических структур.

Главный вывод, к которому приходит Яковлева, состоит в том, что всесторонний кризис, поразивший в конце 80-х – начале 90-х годов восточно-европейские страны, был порожден прежде всего кризисом правивших в них партий, являвшихся по сути частью государственного механизма управления, замкнувших на себе все сферы общественной жизни: экономику, политику, духовную жизнь. Кризис правящих партий, в свою очередь, явился неизбежным следствием их ошибочного, догматического подхода к проблеме собственного развития, отвергавшего систематическое диалектическое обновление теории, стратегии и тактики деятельности.

В работах Яковлевой содержится развернутая интерпретация политического плюрализма, его эволюции в реальной социальной практике. Особый интерес представляет вывод автора об ограниченности трактовки плюрализма только как многообразия идей и взглядов. Основу политического плюрализма, по мнению ученой, составляет *многовариантность, многообразие путей развития человеческого общества*, в том числе социализма. При отсутствии гибких механизмов разрешения противоречий плюрализм, как считает Яковлева, неизбежно ведет к росту политического нигилизма и популизма, усилению центробежных тенденций в обществе, обострению социальных конфликтов, что можно отнести к безусловным издержкам стихийного развития плюрализма.

* * *

Ученые-политологи России уделяют немало внимания и таким темам политической науки как **политическая власть** и **политические режимы**, имея ввиду и общетеоретические аспекты этих тем и аспекты, связанные с политической властью и режимом в России и других странах. К числу таких ученых относятся Д.В.Гончаров, В.В.Крамник, В.П.Макаренко, Р.Т.Мухаев, Н.А.Сахаров и др.

В работе Д.В.Гончарова³⁴ делается попытка комплексного рассмотрения *теории политического участия*. Значительный интерес представляет также исследование *теории партиципаторной демократии, которая описывается ученым как традиция партиципаторной идеологии, а также анализ теорий так называемого “группового участия”*.

В своих исследованиях Гончаров предпринимает одну из первых попыток применения теоретических моделей модернизации, выработанных для анализа процессов

---

³⁴ См. прежде всего “*Теория политического участия*”. 1997 г

социально-политического развития Западного общества, к теоретическому освоению исторической эволюции не-Западных обществ, прежде всего российского.

Гончаровым предлагается оригинальная трактовка таких аспектов социально-политической эволюции российского общества в XX столетии, как становление тоталитарной структуры участия и перспективы ее демократизации, подробно анализируется социокультурный контекст участия, включающий такой малоизученный в отечественной литературе компонент, как вопрос о государственно-правовом фоне участия. Оригинальность работ Гончарова связана также с рассмотрением так называемой ресурсной модели политического участия, которая в 90-е годы приходит на смену более ранним представлениям о влиянии социоэкономического статуса индивидов на характер участия. Им излагаются малоизвестные, но весьма важные для политической науки концепции, описывающие такое измерение участия как политический протест. В работах ученого исследуется феномен социально-политической мобилизации, обосновано различие между двумя типами социально-политической мобилизации: мобилизации демократического типа и мобилизации авторитарного типа.

Общей и вместе с тем конкретной разработке социально-психологической технологии политической власти конкретизированная в демонстрации ведущей, активной роли сознания в политической и реформистской деятельности посвящены научные труды Крамника³⁵. В своих работах ученый доказывает, что если в генетическом, историческом плане бытие определяет сознание, то в реальной жизни, в конкретных условиях именно сознание направляет и регулирует политическую жизнь, влияет на характер и содержание принимаемых решений, на выбор вариантов и способов проведения экономических и политических преобразований. В доказательство ученый приводит структуру сознания, выделяя такие его основные элементы, как ментальность, психология, культура и идеология. Темпы и масштабы реформ, по мнению Крамника, зависят от способности сознания к изменению.

Проведя субъективную дифференциацию политической власти, сводящуюся к трем основным типам: легитимной власти, вознаграждаемой власти и принудительной власти, ученый показывает, что способы взаимодействия и сочетания данных типов зависят от типа политического режима, а эффективная и стабильная политическая и экономическая жизнедеятельность общества достигается путем ограничения принудительной власти при одновременном достижении равновесия между легитимной и заинтересованной властью.

Вклад Крамника в политическую науку состоит также в *определении психологической эффективности политической власти*. В его работах эта эффективность

---

³⁵ “Социально-психологический механизм политической власти.” – Л., 1991; “Власть и молодежь. Психология и культура взаимоотношений” // Молодежь: цифры, факты, мнения. 1992. №2; “Имидж реформ: психология и культура перемен в России.” – С-ПБ. 1995 и др.

выступает как результат взаимодействия внутренних социально-психологических тенденций массового сознания и соответствующих способов влияния на них со стороны политико-управленческих кругов, а также в обосновании *легитимной власти как наиболее надежного средства сохранения политического строя, особенно в условиях экономического кризиса*. Ученым выделяются различные типы легитимности в зависимости от ее субъективных оснований и объекта направленности. Рассматривая основные варианты взаимосвязи легитимности и эффективности политической власти, которые определяются уровнем экономического развития и политической культуры, Крамник раскрывает технику завоевания политического доверия, включающую как методы самой легитимной власти, так и способы ее тесного увязывания с вознаграждаемой и принудительной властью.

Показывая русскую ментальность как совокупность основополагающих, фундаментальных психологических и культурных черт, образующих “своеобразие русского народа”, “самобытность его культуры”, Крамник выделяет как те народные черты, которые помогают, так и те, которые мешают проведению рыночных и демократических реформ, доказывает необходимость построения программы рыночных и демократических преобразований с учетом относительной устойчивости основных характеристик такой ментальности. В связи с этим им рассматриваются две модели реформ: модель “терпения” и модель “психологической тактики навязывания” реформ, приводятся политико-психологические причины и последствия перехода от первой модели ко второй.

Решению фундаментальной проблемы современности – модернизации посттоталитарных обществ посвятил свои основные научные труды Мухаев Р.Т.³⁶. Выявляя через сравнение с опытом западных стран специфику этой модернизации, носящей догоняющий характер, ученый пришел к выводу, что она состоит не столько в либерализации экономических и политических отношений, сколько в практическом создании заново экономических и социальных структур. При этом проводимые реформы выходят за рамки исторически сложившегося менталитета основной массы населения, разрушают привычную для них картину мира, основанную на ценностях эгалитаризма, тем самым усиливая дискомфортность существования широких слоев общества. Важное значение, как считает Мухаев, имеет также несинхронный характер формирования основных предпосылок современного общества и одновременное осуществление экономической и политической реформ.

---

³⁶ См. прежде всего работу “*Диалектика политического обновления социализма*”. 1982.

Важным вкладом в политическую науку можно считать также сформулированную Мухаевым *концепцию реформаторства, способную обеспечить последовательный и относительно управляемый переход к демократии и рыночным отношениям*³⁷.

Значительное внимание в трудах Мухаева уделяется также *выявлению тенденций переходного политического процесса, обусловленных характером противоречий и способностью реформаторских сил, обеспечению баланса между модернизацией и традиционными ценностями, диалогу культур и их носителей, специфике формирования политического спектра посттоталитарного общества, кристаллизирующегося на социокультурной основе и состоящей в отсутствии центристских сил и гражданского общества из значительного числа инертных и гетерогенных (однородных) групп.*

Раскрывая возможные варианты модернизации постсоциалистических стран и формулируя зависимости, влияющие на выбор конкретной модели, ученый обратил внимание на то, что этот выбор обусловлен следующими факторами: общим состоянием социального организма на момент начала реформ; социокультурной динамикой общества; соотношением традиций и новаций в механизме развития; спектром политических сил; религиозно-культурной средой, обеспечивающей или препятствующей адаптации человека к нововведениям, порождаемым рыночными отношениями; этнической однородностью или гетерогенностью национального состава; системой фильтрации и отбора политической элиты.

К факторам, обеспечивающим сохранение системы в состоянии динамического равновесия при переходе, сопровождающемся распадом сложившихся социальных связей, кризисом идентичности, обусловленных экономической модернизацией, Мухаев относит сохранение таких интегративных функций государства, как: становление демократических механизмов формирования властных структур; легитимация и институционализация оппозиции; развитие конкретной партийной системы, способной представлять все богатство существующих интересов; формирование демократической политической культуры.

Формулируя тенденции модернизации политической системы посттоталитарного общества и условия продолжения кризиса легитимности, Мухаев отдал приоритет следующим из них: заметному опережению становления новой структуры власти по сравнению с изменением ценностных ориентаций и стандартов политической деятельности; появлению новой политической элиты на основе защиты идеи национального государства, свободы предпринимательства; паллиативности конкретных моделей как синтезу новых и традиционных форм участия в политике; отсутствию явного

---

³⁷ Подробнее об этой концепции см. в справочнике “От политической мысли к политической науке”... , с. 189.

доминирования одной политической силы и как следствие образование коалиций для решения конкретных проблем.

Президентской и парламентской системам власти посвящает свои основные научные исследования доктор политических наук Сахаров Н.А.³⁸. Он *сформулировал собственное определение института президентства, обосновал новое понятие “система правления”, рассмотрел его соотношение с понятием “форма правления”, дал развернутую характеристику правового статуса, полномочий и объемов политического влияния президента в условиях различных систем правления.*

В современном мире, по мнению Сахарова, сложились 4 региональные модели президентства. Каждой из них присущ определенный тип президентства – от демократического до авторитарного и тоталитарного, что связано с преобладанием в конкретном регионе тех или иных политических режимов, социально-экономических условий, типов политической культуры.

Зарубежный опыт свидетельствует, что сам по себе институт президентства не является ни гарантом, ни источником авторитаризма. Характер, объем и направленность президентской власти в той или иной стране определяется прежде всего действующим в этой стране политическим режимом.

* * *

Исследованию темы **“Политические элиты России”** посвящают многие свои научные работы ученые-политологи О.В.Гаман–Голутвина и А.В.Понеделков.

Перу О.В.Гаман–Голутвиной³⁹ принадлежит немало оригинальных и интересных работ, в которых основательно исследован генезис политических элит России в историческом процессе и особенности трансформации правящей элиты современной России.

Принципиальное значение в трудах Гаман–Голутвиной имеет *системное и вместе с тем комплексное исследование политической составляющей эволюции властных элит на протяжении значительного исторического периода от Киевской Руси до наших дней.* Это позволило ей выявить специфику и устойчивые тенденции процессов элитообразования в России и определить фундаментальные факторы детерминации этих процессов. Ею

---

³⁸ “Президентская система власти. Парламентарная система власти” (в пособии). – М., 1992; “Президент и правительство в новой Конституции” // Российские вести. 1993. 27 ноября; “Институт президентства в современном мире.” – М., 1994.

³⁹ “Политические элиты России: вехи эволюции.” – М. Интеллект, 1998; “Боярство во главе русского общества” // Россия XXI. 1997. №4-7; “Бюрократия Российской империи: вехи эволюции.” – М. РАГС. 1997; “Политические элиты России в историческом процессе” // Россия XXI. 1996; “Политические элиты: эволюция теоретических концепций.” – М. РАГС. 1996; “Региональные элиты современной России” // Вестник МГУ. Серия социология и политология. 1996. №6; “Региональные элиты современной России как субъекты политического процесса” // Политические партии и национальные движения в условиях трансформации российского общества. Вып. VI. Чебоксары. 1995; “Концепция

предложен принципиально новый подход к исследованию процессов элитобразования, выявляющий причинно-следственную зависимость между типом развития общества и типом элитобразования; изучен механизм взаимосвязи типа развития общества и типа элитобразования. Осуществленный анализ показал, что роль связующего звена между типом развития общества и типом элитобразования выполняют политическая система и политический режим. Выявив природу детерминирующей функции типа развития по отношению к политической системе и характер причинно-следственной зависимости между характером политической системы и типом элитобразования, Гаман-Голутвина предложила и обосновала оригинальную типологизацию моделей элитобразования, в основу которой положена диверсификация типов развития социума. Особый интерес в ее концепции представляет то, что типология процессов элитобразования осуществлена на материале сравнительной характеристики процессов элитобразования в России и США как классических примеров мобилизационной и инновационной моделей элитобразования.

В условиях неизбежно формирующихся в рамках мобилизационной модели жестких политических систем, характеризующихся неэффективностью промежуточных форм взаимодействия государства и гражданского общества, формирование элиты происходит в недрах государственных структур, что предопределяет монополию государства на принятие стратегических решений и конституирует высший эшелон административно-политической бюрократии в качестве политической элиты. Поскольку все значимые российские модернизации были осуществлены в технологиях мобилизационного развития, в качестве основного субъекта большинства российских модернизаций выступала административно-политическая бюрократия.

Исследование особенностей развития политической элиты в современном российском обществе показало, что отказ от мобилизационных методов развития сопровождается трансформацией бюрократической модели политической элиты в олигархическую: элита превращается в сообщество самодостаточных политико-финансовых структур, претендующих на принятие ключевых политических решений. Состав политической элиты в подобных условиях включает высший эшелон государства и ведущих политико-финансовых групп. В этой связи в диссертации обосновано положение о том, что социально-экономические и политические преобразования 1990-х гг. создают предпосылки для более существенной трансформации модели элитобразования, чем та, что произошла в 1917 г., когда традиционная для России модель элитобразования лишь изменила внешнюю форму, оставив в неприкосновенности системообразующие принципы.

Анализ причин неэффективности современной политической элиты России показал, что ведущим фактором этой неэффективности является “растворение” интересов государства в партикулярных интересах и высокая степень “приватизации” институтов государства и гражданского общества самодостаточными политико-финансовыми структурами, претендующими на замещение государства и выполнение его функций.

Генезису, этапам становления и развития, динамике изменений и модификаций региональной политико-административной элиты посвящены многие научные труды доктора политических наук А.В.Понеделкова⁴⁰.

Предложив собственную гипотезу и трактовку специфики и особенностей формирования и функционирования политико-административной элиты России в условиях демократизации и реформирования ее современного общества, А.В.Понеделков обосновал *новые положения в определение этапов возникновения, развития и смены аристократических элит России – княжеской–боярской–дворянской, которые к середине XIX века расширились и обогатились за счет лучших представителей новых социальных групп и классов (купечества, буржуазии, разночинцев), верой и правдой служивших самодержавию.*

Но в начале XX века произошла не просто смена аристократических форм элиты, а замена последней пролетарской, номенклатурной элитой. Ее отличительной особенностью стало слияние духовной, политической, политико-административной и других элит в единую партийную номенклатуру, которая с началом перестройки сменилась демократической по форме, но номенклатурно-бюрократической по своей сути элитой.

Анализ доктринальных и ментальных предпосылок западного, восточного и российского элитизма позволил Понеделкову раскрыть их различие и показать их общую основу. Важными составляющими матрицы западного элитизма, по мнению Понеделкова, являются: “индивид - гражданское общество - право - рынок - свобода - прогресс - разум”. В матрице восточного элитизма доминируют: “государство-традиция-иерархия -порядок - вера - стабильность”. Российский элитизм базируется на связке: “общество-государство-духовность-мир (умиротворение)-совесть-всеединство-справедливость”.

В этой связи ученым раскрыто положение о том, что западная элитологическая парадигма сформировалась под непосредственным воздействием специфических задач

---

⁴⁰ “Элита (политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры).” – Ростов на/Д. 1995; “Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России.” – Ростов на/Д, 1995; “Кадровое обеспечение государственной службы.” – Ростов на/Д. 1994 (в соавторстве); “Политическое лидерство (социологический анализ).” – Ростов на/Д. 1993 (в соавторстве); Основы политической этиологии (в соавторстве). М. 1999; Современная государственная кадровая политика и эффективность управления (в соавторстве). Ростов на/Д. 1998; Государственная власть и местное самоуправление: эффективность и ответственность (в соавторстве). Ростов на/Д 1998 г.; Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции, Ростов на/Д, 10–11 сентября 1996. Выпуск 2. Ростов на/Д. 1996.

развития, мировоззренческой социокультурной матрицы, геополитических интересов и сопряжена с социально-стратификационной спецификой и уровнем развития политико-управленческих технологий.

* * *

Российские политологи уделяют большое внимание и такой проблематике, как **национально-государственное строительство**, что вполне объяснимо, если не забывать, какую актуальность эта проблематика приобрела сегодня для России. Отношения между нациями, народами и народностями полиэтнической России, резко осложнившиеся в перестроечные годы и продолжавшиеся осложняться в постперестроечный период, а также проблемы, связанные с реформированием российской государственности, дают политологам и ученым-обществоведам других специальностей обильный материал для анализа и обобщений. Поэтому не случайно, что по национально-государственной проблематике написано огромное количество разного рода работ, в том числе монографий, защищено немало кандидатских и докторских диссертаций, в том числе по политологическим специальностям. (Учитывая огромную теоретическую и практическую актуальность и значимость научных исследований по национально-государственной проблематике, решением Министерства науки РФ в марте 1999 г. в номенклатуру политологических специальностей была внесена новая специальность – “межнациональные процессы и институты” (23.00.05).

К числу докторов политических наук, основательно исследующих проблемы национально-государственного строительства, относятся И.А.Василенко, А.А.Жириков, В.Н.Лысенко, А.А.Магомедов, В.П.Милецкий, Р.Э.Севортьян, Л.Л.Хоперская и многие другие.

Ученые труды упомянутых и многих других исследователей национально-государственной проблематики можно условно разделить на три группы. В первой из них рассматриваются преимущественно общие или теоретические вопросы государственности, во второй группе – общие и конкретные проблемы российской государственности и, наконец, в третьей группе – проблемы отдельных российских республик.

К первой группе относятся труды Милецкого В.П. и Севортьяна Р.Э. Наиболее теоретическими представляются работы последнего из них – Севортьяна⁴¹, предложившего оригинальную методологию изучения сформировавшихся на наших глазах новых современных государств мира через использование категорий власти и интересов.

Разработав оригинальную систему доказательств в рамках политологической концепции государства, центральным моментом которой является признание

универсальности, вездесущности государства как властной реальности в рамках национальной жизни тех или иных народов, Севортьян рассматривает государство и как средоточие властных воль, и как “арену” борьбы и согласования интересов, и как стоящую над обществом силу.

Обратившись к эмпирическому опыту государственного становления в ряде регионов мира, ученый пришел к выводу, что прежние идеологизированные классификации отжили свое время. И в Африке, и отчасти в Азии, казалось бы полярные государственные системы обнаруживают гораздо больше сходства, чем различий. Исходя из этого, Севортьян по-новому проанализировал современные российские реальности.

Выявив закономерности государственного становления новой России, опыт которой рассматривается в работах Севортьяна сквозь призму аналитических подходов мировой политической науки, автор пришел к выводу, что в первые годы существования новой России (1991–1993 гг.) целостность государственной власти отсутствовала. Аморфность государственной власти не позволяла отнести такое государство (в политологическом смысле) ни к бюрократическим, ни к плюралистическим. Рождения нового бюрократического государства удалось избежать. Эту тенденцию лимитировал ряд объективных факторов (двоевластие, регионализация). Сохраняющийся общественный конфликт и поляризация политических лагерей, тем не менее, и по сей день мешают стабильности формирующейся российской государственности.

Основам концепции социального государства в переходном российском обществе посвящены работы Милецкого В.П.⁴².

Осуществив анализ эволюции теории и практики социального государства на основе интегрального методологического подхода, Милецкий вместе с тем провел политико-социологическое исследование логики идеи социального государства, зарубежной практики формирования и развития основных моделей социального государства, обосновал тенденцию трансформации российского общества в условиях современных реформ в направлении смешанного полиформического общества постиндустриального типа.

Исследовав диалектику социально-экономического и политического развития современного российского общества под углом зрения формирования предпосылок становления современного социального государства, ученый выявил тенденцию

---

⁴¹ В частности его исследование *“Власть и государство. Российский опыт в свете мировой политической науки”*, изданное в 1995 г.

⁴² *“Российская модернизация: предпосылки и перспективы эволюции социального государства.”* – С.Петербург, 1997; *“Социальное государство: эволюция идеи, сущность, перспективы становления в современной России.”* В кн. *“Политический процесс в России в сравнительном измерении.”* Под ред. проф.Сморгунова Л.В. – Спб. 1997; *“Проблемы становления социального государства в условиях постсоциалистической модернизации России.”* В кн. *“Социальная философия и философия политики.”* Под ред. проф. Гуророва В.А., проф. Пигрова К.С. – Спб. 1997.

формирования институциональных и процессуальных компонентов управляющей системы российской модели социального государства в условиях современных реформ, выделил особенности и противоречия процесса трансформации “реактивной” социальной политики кризисного этапа в активную и адресную социальную политику современного Российского государства.

Некоторые отдельные функции современного государства, в частности его силовые функции исследует в своих трудах доктор политических наук Н.С.Лабуш⁴³. В этих работах Лабуш вводит в научный оборот такую новую категорию, как “силовой механизм государства”, исследует его сущность, структуру, анализирует его функциональность.

Рассматривая в принципиально новом ракурсе проблему важности и необходимости применения государством, исповедующим гуманные принципы, полного арсенала средств и методов, находящихся в его распоряжении, Лабуш выявил и охарактеризовал условия возможности применения государством физического (вооруженного) насилия, позволяющие избежать крайностей, характерных как для тоталитаризма, так и для анархии, безвластия. Им дана характеристика силового механизма государства, его составных частей, выявлены критерии, позволяющие включать ту или иную структуру в общую систему. Армия исследуется ученым нетрадиционно, а именно как составная часть ядра силового механизма государства, включенная в сложную систему общественных отношений под углом зрения власти и политики. В трудах Лабуша содержится также социально-политическая диагностика реформирования вооруженных сил Российской Федерации, дается прогностическая оценка перспектив дальнейшего их использования.

Различные аспекты жизни и деятельности российского государства исследуются в научных трудах доктора политических наук А.П.Кошкина⁴⁴. В научных трудах этого ученого рассматриваются вопросы, связанные с государственным регулированием политических отношений в России в XX веке, социальных и экономических отношений в различные периоды нашей истории. Высокая актуальность этих работ подтверждается современной ситуацией в российском обществе, настоятельной потребностью в выяснении инструментальной роли государственного регулирования политических отношений в

---

⁴³ “Государство, силовой механизм, вооруженные силы.” – ВМИ. Спб. 1999; “Государство: суверенность, безопасность, обороноспособность.” – ВВМУ. Спб. 1998 (в соавторстве); “Национальная безопасность России и средства ее обеспечения.” – ВМИ. Спб. 1999; “Политическая система общества.” Спб. ВВМУ им. Фрунзе. 1996; “Государство и общество.” – Спб. ВВМУ им. Фрунзе. 1997; “Демократизация Советских вооруженных Сил.” – Л. ВМА. 1990; “Военные вопросы политической науки.” – Спб. ВВМУ. 1997.; и др.

⁴⁴ “Государственное регулирование в России: XX век – смена парадигм.” – Смоленск. 1998; “Государственное регулирование политических отношений в России (XX век).” – М. 1998; “Особенности государственного регулирования экономических отношений в Советской России.” – Смоленск. 1998 г.; “Государственное регулирование в российском обществе (социальнополитический аспект).” – М. 1998; “Военные и народнохозяйственные изменения в западных районах России (1914–1918 гг.)”. – ВА ПВО СВ РФ. 1997; “Сборник основных социологических понятий, категорий, терминов.” – ВА ПВО РА РФ. 1997. (В соавторстве с Дембовским Г.А.) и др.

реформировании российского общества, решении задач восстановления его экономического, культурного и оборонного потенциалов.

В работах Кошкина обоснован целый ряд методологически важных и эвристически значимых положений, которые можно рассматривать как вклад в развитие и разрешение актуальной социологической проблематики. *В ходе сопоставления систем государственного регулирования на разных исторических этапах российского общества, ученым выявлены общие и отличительные черты этого процесса.* Им, в частности, обоснована необходимость восстановления организующей роли государства в общественных преобразованиях, так как во многом причиной краха рыночной реформы стал крах государства как ведущего субъекта регулирования. Именно к такому выводу приводит изучение значений социологических показателей, регистрирующих динамику отношений российского общества к регулирующей деятельности государственных органов.

Изучение целей, способов и степеней эффективности государственного регулирования рассматривается Кошкиным как средство научного предвидения возможных результатов происходящих преобразований в системе государственной власти. Это новый и оригинальный подход в социальном прогнозировании, который позволяет использовать его для стратегического планирования возможных новых социально-политических парадигм трансформирующегося российского общества.

Ко второй группе работ, речь в которых идет преимущественно о конкретных российских проблемах, относятся научные труды Василенко И.А., Жирикова А.А., Лысенко В.Н. и других авторов.

В работах И.А.Василенко⁴⁵ впервые, очевидно, в отечественной политической науке выделены и проанализированы *основные этапы становления и развития теории административно-государственного управления как самостоятельного научного направления, дан концептуальный анализ объекта, предмета, целей, задач и методологии; разработаны рекомендации о перспективах развития теории административно-государственного управления в России, проведен сравнительный анализ федеративной и унитарной моделей административно-государственного управления в странах Запада и сделан вывод о конвергенции этих систем.* По мнению Василенко, федеративные государства все чаще сохраняют значительную власть за центром, в то время как унитарные допускают определенные элементы местного входа и контроля. Проанализировав основные функциональные возможности современного административно-государственного управления, Василенко сделала вывод о возрастании дискреционной деятельности бюрократии.

---

⁴⁵“Современные политические доктрины.”– М., 1992; “Административно-государственное управление как наука” //Социологические исследования. – М., 1993. №8; 1994. №4; “Функции административно-

Впервые в отечественной политической науке Василенко осуществила сравнительный анализ моделей государственной службы США, Великобритании, Франции и ФРГ, обобщила наиболее рациональный опыт административно-государственного управления в этих странах по вопросу о централизации и децентрализации управления, соотношении политической и административной сфер власти, использовании специалистов и администраторов широкого профиля в государственном аппарате, моделях карьеры государственных служащих, основных формах контроля над государственной службой. Результатом этого сравнительного анализа явились конкретные рекомендации о возможных перспективах формирования российской системы административно-государственного управления⁴⁶.

Оригинальная периодизация новейшего постсоветского этапа развития нашей страны содержится в научных трудах другого ученого-политолога Жирикова А.А.⁴⁷. Эта периодизация дана с учетом традиционной российской государственности и включает: “перестроечный” период (апрель 1985 – август 1991 г.); период “распада и суверинизации” (август 1991 – октябрь 1993 года); “переходный к реинтеграции на новой политической основе” (с октября 1993 года по настоящее время).

Данная периодизация позволяет в каждом конкретном случае выявить как сущность воздействия этнических отношений на процесс политической стабильности, так и специфику этого явления с учетом динамики реформирования общества.

В работах ученого доказано положение о том, что преобладающее большинство народов России на протяжении веков сложились как этнокультурные общности, и в этом смысле они являются коренными, государствообразующими народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Этническая, социальная и политическая стратификация общества находятся в целостном системном взаимодействии. И в этом своем качестве они служат основанием устойчивого политического развития, а при нарушении связей – причиной политической дестабилизации.

Существование этноса как субъекта политики в современных условиях, как считает Жириков, является закономерной чертой этнической идентификации. Этнокультурные основания такой идентификации оказываются недостаточными для всестороннего развития этнических отношений, с одной стороны, и для сохранения стабильных политических отношений, с другой. Превращаясь в реальные субъекты политики, этносы с

государственного управления: зарубежный опыт. // Вестник государственной службы. – М., 1994. №1; // *Вестник государственной службы.* 1994. №4.

⁴⁶ (Подробнее об этих рекомендациях см. в справочнике “От политической мысли к политической науке”..., с. 149)

неизбежностью обретают статус субъектов права и, тем самым, умножают свой потенциал в качестве стабилизирующих (или дестабилизирующих) политических сил, влияющих на устойчивость политической системы.

По мнению Жирикова, федеративное многонациональное государство обретает политическую стабильность тогда, когда оно выступает не унификатором, а интегратором различных этнических общностей, воспроизводящим в единой государственной системе все социокультурное многообразие населяющих его наций и народностей.

К числу наиболее известных ученых политологов, много лет профессионально занимающихся проблемами национально-государственного строительства в России, безусловно, относится В.Н.Лысенко⁴⁸.

Будучи не только ученым, но и политиком-практиком, занимая в прошлом посты зам.министра России по национальной политике, а затем председателя подкомитета V-й Госдумы по развитию федеративных отношений, являясь депутатом VI-й Госдумы, Лысенко имел возможность участвовать не только в разработке национальной политики в России, но и в ее реализации, что нашло отражение и в его научных исследованиях.

Исследовав логику истории Российского государства с точки зрения взаимоотношения целого и его частей, Лысенко показал, что она строилась в основном на добровольных началах, а не на захвате. Многие присоединенные территории имели в составе России особый статус (автономию и т.д.), что позволяло учитывать фактор полиэтничности в политической практике.

В работах Лысенко раскрывается также логика распада Российской Империи и возрождения ее на новой политической и идеологической основах в 1917–1922 годах. У этого периода имеется целый ряд общих черт и тенденций с современностью. Например, такие как преобладание центробежных тенденций в начале периода и превалирование центростремительных тенденций в его конце. Несмотря на огромные временные и общественные различия, сценарий “добровольно-силовой реставрации Российской Империи” может повториться, но уже на новой основе. Вместе с тем, в конце XX столетия воссоздать единое государство (даже в виде конфедерации) значительно сложнее, чем в начале века.

Используя теоретические разработки и личный опыт участия в разрешении многочисленных межнациональных конфликтов, Лысенко научно разработал механизмы предотвращения и разрешения конфликтных ситуаций, предложил федерализм как один из возможных способов политико-государственного урегулирования конфликтов. Этот опыт

---

⁴⁷ *Этнические факторы политической стабильности*. М., 1995; Сборник “Чечня: трагедия России”. М., 1995; *Политическая стабильность российского государства (этнополитический анализ)*, М. 1996.

⁴⁸ Среди его многочисленных работ по этой проблематике выделяются следующие три работы, изданные в Москве в 1995 г. : 1 – “Развитие федеративных отношений в современной России”; 2 – “От Татарстана до Чечни” и 3 – “Новый федерализм.”

может быть использован не только в России, но и ряде стран СНГ и дальнего зарубежья с многонациональным составом населения.

Из многих идей его книг, достойных внимания и осмысления, остановимся лишь на двух. “В России, – пишет Лысенко, – всегда боролись две тенденции: тенденция великокняжеская, самодержавная, тоталитарная и тенденция общинная, земскособорная, демократическая. Учитывая гигантскую роль государства, которую оно играло в жизни страны, этим тенденциям соответствовали и два основных направления в развитии государственного устройства в России. Первое направление – жесткая централизация, унификация, стремление все проблемы решать “сверху”, из единого центра. Второе направление – стремление к децентрализации власти, самоуправлению на местах, попытки проведения реформ с учетом специфики различных регионов. На протяжении веков превалировала первая тенденция, в соответствии с которой строились государственные структуры.”

Что касается второй идеи, или, точнее говоря, группы идей, то они связаны с тенденциями развития и чертами Российской империи. “Российская империя, – отмечает В.Лысенко, – была достаточно сложным и гибким организмом. В нее как унитарное государство наряду с губерниями входили также ханства, эмираты, королевства, княжества, края, области, округа. Последние входили либо на правах автономии, либо имели особый статус в составе государства.”

Общими проблемами федерализма основательно занимается доктор политических наук Г.В.Каменская⁴⁹. Ею проанализированы *современные тенденции развития федералистских исследований в зарубежной, главным образом американской политологии*. Особое внимание при этом уделено концепциям, которые до сего времени не находили отражения в работах отечественных авторов, а именно: *теориям регулятивного, технократического, социального федерализма, а также дискуссиям о сопоставительных преимуществах и недостатках федеративной системы, ведущимся в русле теории рационального выбора*.

Показав, что познавательные пределы современных теорий федерализма и логика федералистских исследований во многом определяются суммой стереотипов научного сознания или мифов, Каменская выделила *три основных мифа современной федералистики*. Ведущий, системообразующий миф в догматике федерализма назван ею *креационным (творческим)*. Изучая его как генотип идеальной модели федерации с такими атрибутами, как добровольность объединения, равенство участников договора, конституционные гарантии прав и целостности политических сообществ – учредителей федерации, Каменская развивает тезис Д.Элазара, констатировавшего, что концепция федерализма как

---

⁴⁹ “Федерализм: мифология и политическая практика.” – М. ИМЭМО, 1998; “Политические системы современности”. (В соавторстве). – М. Онега. 1994; Введение в политологию. Изд. 3, переработ. и дополненное. (В соавторстве). – М. Просвещение 1998 и др.

обоснование образца должного политического порядка по своей нормативной силе близка теории естественного права.

В основе большинства теоретических схем, призванных объяснить логику становления федеративных систем, в том числе в России, По мнению Каменской, лежит миф *предопределения*, суть которого состоит во взгляде на процесс федерирования как на типичный и рациональный вид оптимизации территориально-политических связей внутри политического сообщества в условиях демократии. В контексте мифа предопределения проанализирована проблема эвристической ценности теории федеративного общества, обобщена практика применения данной теории в исследованиях современных зарубежных политологов.

Сделав вывод о том, что как политическое явление федерализм вторичен и полифункционален, Каменская далее утверждает, что единой формулы, позволяющей вывести политический смысл идеи федерализма не существует, что федеральный выбор ситуационно обусловлен. Собственной исторической реальностью федерализма в современном мире остается компромисс центробежных и центростремительных тенденций, достигаемый в соответствии с историческими и культурными нормами общества, компромисс во имя сохранения единства страны.

В третью группу, как уже говорилось выше, логично монтируются научные труды, в которых анализируются конкретные проблемы государственного строительства в национальных российских регионах или в национальных республиках. Так как в последние годы национальные проблемы особенно обострились в Северо-Кавказском регионе, поэтому не удивительно, что этому региону ученые-политологи уделяют особое внимание. К числу этих ученых относятся доктора политических наук Л.Л.Хоперская и А.А.Магомедов.

В научных трудах Хопёрской⁵⁰ представлена *концепция этнической субъективности как реально работающий теоретический инструмент, позволяющий удовлетворительно объяснить и спрогнозировать этнополитические процессы в Северо-Кавказском регионе*. В них также проанализированы *механизмы национальной политики (политического управления) России на Северном Кавказе, начиная с периода присоединения первых территорий Кавказа к Российской империи до настоящего времени*.

Предложив оригинальную типологию этнополитических процессов в Северо-Кавказском регионе на основе выделения доминирующих типов противоречий (федеральная власть – республиканская власть; федеральная власть – народы Северного

---

⁵⁰ «Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: Концепция этнической субъективности.»–Ростов н/Д. 1997; «Реализация принципов федерализма.»– Ростов н/Д. 1997 (в соавторстве); «Вынужденные мигранты на Северном Кавказе.»–М.1997 (в соавторстве); «Методология и опыт исследования межнациональных отношений.»– Ростов на/Д. 1992 (в соавторстве).

Кавказа; республиканская власть – русское население; республиканская власть – этнические группы республик), Хопёрская обосновала вывод о том, что *игнорирование фактора полиэтничности Российской Федерации и непонимание историчности форм этнического самосохранения и самоутверждения способны привести к росту социальной межэтнической напряженности и разрушению российской государственности*. В ее трудах показано, что приоритетом национальной политики Российской Федерации должно стать совершенствование федеральной законодательной практики и определение правовых гарантий каждого этноса в структуре многонационального государства, что позволит если не полностью разрешить, то существенно снизить уровень межэтнических противостояний на Северном Кавказе. В связи с этим Хопёрская считает целесообразным ввести новую отрасль государственного права – *национальное право*, призванного восполнить недостаточность ныне действующих правовых форм регуляции национальной жизни на федеральном уровне.

В отличие от трудов Л.Л.Хопёрской, научные исследования А.А.Магомедова⁵¹ посвящены концептуальному обоснованию *сущности и особенностей национально-государственных интересов национальных республик в составе Российской Федерации*. Им также обоснованы *основные национально-государственные интересы и социальные приоритеты Дагестана на обозримую историческую перспективу (сохранение Дагестана в составе единого Российского государства, обеспечение духовно-нравственного единства народов Дагестана, преодоление экономической отсталости и т.д.)*, дана *содержательная характеристика механизмов возможностей реализации национально-государственных интересов и исторического риска, встречающегося на этом пути*.

Проанализировав различные концепции реформирования Дагестана и других республик, национальная культура которых в той или иной мере базируется на ценностях ислама, Магомедов обосновывает в своих работах вывод о том, что западная, либеральная модель для этих республик неприемлема. Государственность Дагестана сформировалась на перекрестке различных цивилизаций, и поэтому он должен выработать свою собственную модель и методы модернизации, которые частично будут отличаться от общероссийских. С этих позиций ученый выявил основные специфические особенности организации политической жизни и политических процессов в Дагестане в сравнении с общероссийскими и показал, в частности, что политическая жизнь Дагестана в гораздо большей мере, чем в России в целом, структурируется в основном вокруг деятельности элитных центров и их лидеров. Демократическую оппозицию исполнительной власти

---

⁵¹ “*Становление Дагестана завтрашнего: самоузнавание, опасности и шансы*.” – Махачкала. 1997; “*Дагестан и дагестанцы в мире (историко-политологический очерк)*.” – Махачкала. 1994; “*Дагестан на пороге XXI века: волны времени и контуры грядущего (теоретические аспекты и практические иреалии)*.” – Махачкала. 1996.

составляют не столько политические партии, сколько национальное движение и религиозные объединения.

* * *

В поле зрения профессиональных российских политологов находится и такая важная тема политологии как **“политические партии”**. Этой тематикой основательно занимаются такие ученые как Л.Н.Алисова, С.Б.Радкевич, Р.Ф.Матвеев и другие.

В своих исследованиях Л.Н.Алисова⁵² решает следующие задачи: *раскрытие генезиса, сущности, содержания и значения процесса партийного взаимодействия; выявление императивов, детерминирующих межпартийные отношения, а также ключевых факторов, способствующих консолидации партий; изучение процессов блоково-коалиционного поведения партий в зависимости от их политических целей, ресурсов, потенциальных дивидендов взаимодействия; разработка на этой основе предложений и рекомендаций для смягчения политического противостояния партий, становления взаимопонимания в интересах общественного консенсуса и политической стабильности.*

Алисовой впервые предложено определение взаимодействия политических партий как научной категории, понимание его сущности с учетом новой парадигмы социально-политических изменений, отказа от концепции конфронтационного взаимодействия в пользу компромиссного партнерского сотрудничества. На основе системного комплексного анализа ею определены уровни взаимодействия, детерминирующие его императивы, факторы, условия; дана теоретическая интерпретация блокового и коалиционного взаимодействия политических партий; выявлены основные тенденции влияния блоково-коалиционной политики партий на формирование властных структур; предложен вариант структурирования политического поля России на основе межпартийного интегрирования; проведены институциональные измерения партийного взаимодействия в проекции на обеспечение взаимосвязи становления гражданского общества и государственности.

К числу теоретиков партийного строительства можно отнести и доктора политических наук С.Б.Радкевича⁵³. Им предпринята попытка систематизировать и доказать следующие тезисы:

– *Политическая партия – понятие видовое.* Вместе с политическими сектами, движениями и коалициями партии образуют род “малых” политических организаций. Исторически они возникли внутри “больших” политических организаций и

---

⁵² “Взаимодействие политических партий как фактор реформирования общества.”– М., 1996;

“Политическое поле России.”– М., 1996 (в соавторстве).

⁵³ “Политические партии: общая теория и российские проблемы.”– М. 1997; “Политические партии и движения. История и настоящее.”– М. 1993; “Политические партии и движения. Экономические программы.”– М. 1994.

просуществуют, как считает ученый, пока не исчезнет новейшая “большая” организация – государство.

– *Политическая партия – вариант открытой флуктуирующей системы, которая не имеет ярко выраженных границ и поэтому легко трансформируется в иные, не “партийные”, но родственные состояния: секты, движения, коалиции.*

– *Для успешного решения задач партийного строительства важно определить видовую принадлежность той организации, которую предполагается усовершенствовать.* Поскольку для каждого вида политических организаций свойственно особое сочетание структурных переменных, проведение организационно-партийной работы без учета этого своеобразия снижает ее эффективность.

– *Процесс формирования элементов постиндустриального общественного устройства способствует дестабилизации “классических” политических партий и, напротив, благоприятствует развитию новых партий-движений.*

К числу важных выводов ученого можно отнести и вывод о том, что “кризис многопартийности” в России, проявившийся в середине 90-х годов, на деле представлял собой несколько частных кризисов отдельных политических организаций. Исследования этих кризисов с применением новых теоретических подходов могут стимулировать “вторую волну” многопартийности в России.

Теорией партий занимается также Р.Ф.Матвеев, речь о котором уже шла в той части этой статьи, где говорилось о политических системах. В работах этого ученого, которые уже упоминались, большое внимание уделяется новому подходу к общей теории партий. Особое внимание в работах ученого уделено новому подходу к общей теории партий. Смысл этого подхода в том, что партии рассматриваются как организации, соединяющие социальное движение с определенным мировоззрением. Будущее политической партии во многом зависит от устойчивости и реальной связи между этими двумя элементами, что дает возможность вероятностного прогноза судьбы политической партии. По мнению Матвеева, острых кризисных явлений в развитии партий удастся избежать лишь в том случае, когда указанные выше компоненты являются достаточно эластичными, а связь партии с государственными структурами не имеет чрезмерно жесткого характера, что позволяет ей не брать на себя ответственность за конъюнктурные просчеты правительства.

* * *

Одной из самых притягательных и исследуемых тем для профессиональных политологов является тема “**политическая культура**”. Различные аспекты этой темы применительно к российским реалиям разрабатывают многие наши ученые-обществоведы, не исключая, разумеется, политологов. Среди них В.А.Ачкасов, И.Н.Гомеров, М.М.Назаров, Ю.С.Пивоваров, А.И.Соловьев, Г.В.Шешукова.

Воздействие традиционалистской политической культуры на процессы модернизации российского социума является объектом исследования В.А.Ачкасова⁵⁴.

В своих научных работах Ачкасов впервые в отечественной политологической литературе исследовал феномен “образа врага”, определил его место и роль в процессах этнополитической мобилизации.

Рассмотрев этот процесс поэтапно, ученый сформулировал определение данного явления. Им также проанализировано значение “образа Запада” в процессах формирования и трансформации русской этнической и российской государственной идентичности, выявлена и обобщена этнокультурная специфическая особенность русского традиционализма как выражение поиска этнической и национальной идентичности. В этой связи Ачкасовым исследована роль русского национализма в эволюции российской государственности. Ученый изучил воздействие “низового” народного традиционализма на изменение идеологии и идентичности советского режима. На основе анализа имеющихся в научной литературе подходов к определению правого радикализма им сформулировано собственное определение данного феномена, проанализированы политические перспективы русского национализма, понимаемого как современная форма традиционализма. На основе изучения широкого круга источников Ачкасовым дана оригинальная, авторская интерпретация характера и особенностей эволюции политического режима современной России.

Исследованием такого специфического элемента политической культуры как “электоральная культура” не один год занимается доктор политических наук И.Н.Гомеров⁵⁵. В его работах “электоральная культура” трактуется как *специфический элемент политической культуры, как система знаний, оценок и норм политических выборов*. Им утверждается, что электоральная культура включает ряд субкультур, локализованных в определенных пространственных сферах, а также игровые, мифологические, теологические, художественные, нормативные, оценочные, познавательные и иные ее подсистемы.

В основу классификации электоральных культур Гомеров положил такие критерии, как степень их социальной или индивидуальной направленности, рационализации или иррационализации, символизации или прагматизации, диалогизации или монологизации.

Введя понятие “электоральные ориентации”, Гомеров определил их основные типы, проанализировал партийные и личностные ориентации избирателей, относящиеся к

---

⁵⁴ “*Взрывающаяся архаичность*”: *Традиционализм в политической жизни России*. – Санкт-Петербург, 1997; “*Легитимность власти в постсоциалистическом российском обществе*.” – М. Аспект-Пресс (в соавторстве с С.М.Елисеевым, С.А.Ланцовым).

⁵⁵ “*Архитектура выборов: маркетинговый подход*.” – Новосибирск. 1993; “*Партийно-личностные ориентации избирателей*.” – Новосибирск. 1994; “*Культура политических выборов: политологический анализ*.” – Новосибирск. 1995.

различным территориальным группам, обосновал положение о том, что для современной электоральной культуры характерно доминирование личностных ориентаций над партийными, установил высокую степень корреляции между ними, выделил такие типы избирателей, как личностно-ориентированные, партийно-ориентированные и программно-ориентированные, устойчивые и неустойчивые в своих ориентациях, пассивные и активные.

Электоральной политической культуре посвящено и научное исследование доктора политических наук Г.В.Шешуковой⁵⁶. В этой работе ею раскрывается механизм *влияния объективных и субъективных факторов на поведение избирателей*. В них *теоретически дифференцированы политическая и электоральная культуры, выявлены типичные характеристики политических ориентаций и представлений избирателей современного российского региона, а также острые проблемы политической социализации электората*.

Политическая культура избирателей в РФ, как полагает Шешукова, может быть представлена определенной иерархией субкультур, в основе которой лежат разновидности размещенных (столицы, города, села) и неразмещенных (статусных, религиозных, этнических, электоральных) общин. Противостояние сельской и городской субкультур электората, характерное для России в целом, проявляется в том, что городское население демонстрирует в большей степени лояльную, а сельское – оппозиционную политическую культуру. Вместе с тем, более высокий уровень этнической тревожности отличает горожан по сравнению с сельчанами.

В исследованиях Шешуковой дана *обобщенная характеристика оптимальной модели поведения избирателей; теоретически и эмпирически аргументировано положение о приоритете ориентации российского электората на лидеров; проанализированы особенности электорального поведения, определяемые уровнем и типом выборов; проведен анализ рациональных и иррациональных мотивов голосования; выявлены политико-культурные основания дифференциации электората по ретроспективному и перспективному типу голосования*.

В зависимости от оценки текущей политики Шешукова выделяет три политические субкультуры: *лояльная, оппозиционная и апатичная*, каждая из которых представлена определенной совокупностью типичных статусных групп.

На основе общероссийских данных по электоральной географии и статистике Шешукова выявила устойчивые геополитические зоны РФ. К ним относятся: *коммунистическая, центристско-демократическая и зона неопределившихся регионов*. Главным критерием зональной дифференциации является характер политических и партийных ориентаций электората. Проведенный анализ избирательных компаний (с 1991

---

⁵⁶ “Политическая культура электората российского региона”. 1997.

по 1997 г.) позволяет, как считает Шешукова, утверждать, что в России интенсивно формируются зональные, региональные и локальные типы политической культуры.

Критическому осмыслению ведущих направлений политической культуры, сложившихся в современной политологии посвятил свои основные научные работы М.М.Назаров⁵⁷. В этих работах Назаров раскрыл сущность *политической культуры российского общества периода 1991–1995 гг.* Критически осмыслив ведущие направления политической культуры, сложившиеся в современной науке, Назаров раскрыл *сущность изучаемого явления, впервые применив для этого методiku качественно-количественного анализа эмпирических проявлений политической культуры современного российского общества.*

Результаты анализа эмпирических проявлений политической культуры позволили ученому поставить в исследовательском плане вопрос о том, что в последнее десятилетие современной российской истории такие черты, как максимализм, неумение идти средним путем, недовольство настоящим, эсхатологическая (крайняя) устремленность в будущее, которые в научной литературе зачастую относили к особенностям национального характера, оказались в уникальном историческом сочетании с ожиданиями людей по поводу грядущих социальных трансформаций. По всей видимости, несмотря на серьезное ослабление влияния социалистической идеологии как массового феномена, перечисленные черты ментальности так или иначе продолжали существование и предопределяли многие конкретные проявления политической культуры на ценностном и поведенческом уровнях.

Тема политической культуры России как политической культуры особой социокультурной общности находится в центре научных изысканий Ю.С.Пивоварова⁵⁸.

В его научных трудах тема политической культуры проанализирована не только в традиционном идеографическом ключе, но и помещена в то пространство – реальное и смысловое, где протекают политические процессы и функционируют политические институты. Такой подход позволил Пивоварову более адекватно, глубоко и всесторонне понять специфику политической культуры России и оценить перспективы ее развития.

Показав этапы становления и эволюции политической культуры России, Пивоваров вскрыл также причины проявления такого ее специфического качества, как раскол на субкультуры, показал особую природу власти и ее роль в отечественной культуре, те кардинальные изменения, которые происходили в рамках русской политической культуры в течение последнего столетия. Особую роль здесь, по мнению ученого, сыграл “русский

---

⁵⁷ “*Политические ценности и политический протест.*” – М., 1995; “*Люди и политика. Очерки исследования политической культуры в постсоветской России.*” – М., 1997; “*Исследования политической культуры современного российского общества.*” – М., 1997.

⁵⁸ “*Две политические субкультуры пореформенной России: проблема взаимодействия*” // В кн. “*Ретроспективная и сравнительная политология*”. М., 1991; “*Политическая культура пореформенной*

марксизм”, ставший исходным пунктом для сущностной трансформации политической культуры России, для ее “осовременивания”. Исходя из этого, Пивоваров приходит к выводу, согласно которому одно из принципиальных условий позитивного развития политической культуры состоит в выработке механизмов адекватного самопознания, или нового научного языка, нового инструментария познания.

Политическая культура занимает важное место и в научном творчестве доктора политических наук А.И.Соловьева⁵⁹, который предложил *систематизацию концептуально-теоретических подходов к изучению политической культуры, раскрывающих базовые источники ее формирования и развития. В них также обоснованы преимущества методологии, базирующейся на принципах антропоцентризма и цивилизационного анализа и выступающей антитезой тео- и природоцентризму.*

Выделив общетеоретические и предметно-содержательные принципы анализа социокультурного содержания политического процесса, Соловьев обосновал понимание политической культуры как “стиля” политической деятельности, выражающего органическое единство духовных и практических, индивидуальных и нормативных источников политического поведения субъекта и делающего акцент на отображении персонализированных, творческих механизмов культурно опосредованной активности групп и индивидов.

Большое внимание в работах ученого уделено выявлению теоретико–методологических оснований, позволяющих трактовать политическую культуру как одну из разновидностей более общего явления – гражданской культуры, формирующейся на базе ценностных отношений человека к явлениям власти и осуществлению им своих прав и свобод в различных сферах общественной деятельности. В трудах Соловьева анализируются мировоззренческий, гражданский и собственно политический уровни политической культуры, раскрывается специфика и содержание ценностных ориентаций человека на каждом из выделенных уровней, их мобилизационные возможности, взаимные иерархические связи, особенности воздействия на поведение, процессы и институты власти.

Определяя тип российской политической культуры, ее роль и функции в политическом процессе, ученый показывает, что фрагментированная, коммунитарно-моралистская культура с соперничающими субкультурами и доминированием ценностей традиционалистского толка политическая культура России играет по преимуществу негативную роль в современном политическом процессе. На основании выделения ценностных и структурных противоречий политической культуры он определяет

России.” – М., 1994; “*Политическая культура: методологический очерк.*” – М., 1995; “*Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX- первой трети XX столетия.*” – М., 1997.

многообразные переходные субкультуры, характеризующие ее национально-цивилизационные особенности и определяющие характер внутренних изменений, определяет роль данных субкультур в разрешении кризисов легитимности, идентификации, регулировании конфликтов и распределении материальных благ.

Обосновывая важнейшие условия и направления демократизации российской политической культуры в переходных условиях, Соловьев отнес к ним прежде всего: преодоление былой цивилизационной усеченности развития социума; реорганизацию системы социального представительства для обеспечения сосуществования групп с полярно ориентированными интересами; пресечение политического радикализма; усиление централизованных методов регулирования общественных преобразований; прекращение подгонки властных структур под конкретных политических деятелей; оздоровление духовного климата властвования на основе развития духовной свободы и существования альтернативных источников информации; создание общефедеральной системы политического образования.

* * *

С темой “политическая культура” в науке и в жизни перекликается другая важная и весьма актуальная для России тема – “**политические идеологии**”. Если судить по числу научных публикаций, этой темой сегодня основательно занимаются многие ученые-политологи. Среди докторов политических наук это Л.А.Гончарук, А.Н.Загородников, И.А.Зевелев, Г.И.Королева–Конопляная, В.Б.Пастухов, О.Ф.Русакова и другие.

Различным аспектам **либерализма** посвятили некоторые свои работы А.Н.Загородников и И.А.Зевелев. Первый из них провел комплексный анализ основных этапов эволюции либерализма как политической идеологии и движения, исследовал процесс формирования в его рамках и на его основе партий, политических институтов и механизмов их деятельности, изучил важнейшие тенденции идейно-политического и теоретического развития этого течения в настоящее время.

Перечисленные аспекты темы рассмотрены Загородниковым⁶⁰ в его научных трудах. Ученым вскрыты социальные и гносеологические корни, идейно-теоретические источники либерализма, дана периодизация либерализма, выявлены специфические черты восприятия либерализмом 80-х–90-х гг. XX в. социально-экономических и политических идей его теоретических предшественников, показана преемственность идей в развитии названного течения как узловой момент переосмысления либерального учения, исследована идейно-теоретическая эволюция основополагающих компонентов данного учения – теорий

---

⁵⁹ “*Политическое сознание и политическая культура.*” – М., 1991; “*Культура власти.*” – М., 1992; “*Культура власти современного российского общества.*” – М., 1992 и др.

государства и рынка, демократии, политической культуры, установлена взаимосвязь между теоретическими принципами либерализма и их практической реализацией в политике западных государств, показана роль политических институтов либерализма в развитии общественно-политических систем обществ западных демократий.

Охарактеризовав национальную специфику либерализма, проявляющуюся в деятельности различных либеральных партий, Загородников дал классификацию либеральных партий, сделал сравнительный анализ их электорального поведения на основе изучения данных участия либеральных партий в выборах в различных западных странах. Проанализировав взаимосвязи либерализма с идеологиями консерватизма, социал-демократизма и альтернативных движений, ученый отразил в своих трудах функциональное и переменное в идейно-политическом течении либерализма.

С исследованием западного индивидуализма, или либерализма и прав человека, базирующимся на ценностях этого учения, но применительно к азиатским развивающимся странам связаны научные труды И.А.Зевелева⁶¹. В работах этого ученого рассмотрены не изученные ранее вопросы *трансформации групповых локальных связей восточного общества под воздействием процессов социально-экономической модернизации, урбанизации, становления современных классов и под углом зрения формирования специфической среды для прав человека.*

В трудах Зевелева проанализированы также причины того, почему отмеченным тенденциям в передовых капиталистических странах Запада не суждено было превратиться в генеральную линию общественного развития, которая подорвала бы социальные основы прав человека и идеологию индивидуализма. В них сделан вывод о том, что наиболее фундаментальным фактором, блокировавшим угрозу индустриального тоталитаризма, было важнейшее право человека – право на частную собственность, которое не позволяло обществу превратиться в единый завод, а естественно-историческое развитие заменить попытками социальной инженерии.

Значение трудов Зевелева определяется также тем, что они позволяют прогнозировать и корректировать с учетом мирового опыта развитие России, сталкивающейся с необходимостью адаптировать нормы прав человека к условиям посттоталитарного общества, нуждающегося в энергичном, и сбалансированном реформировании.

---

⁶⁰ “Советский и западный либерализм: основные идеи и принципы.” – М., 1991; “Западный либерализм в прошлом и настоящем.” – М., 1993; “Эволюция идеологии либерализма: анализ идейно-политических тенденций 70-х – 80-х годов.” Деп. ИНИОН АН, 1994.

⁶¹ “Юго-Восточная Азия: урбанизация и проблемы социального развития.” – М. 1985; “Современная Азия: социально-политическое развитие и права человека.” – М., 1991.

Другой наиболее распространенной идеологией в современном мире, наряду с либерализмом, является, как известно, **консерватизм**. Его исследованием занимается доктор политических наук В.А.Гусев⁶². Им обоснованы следующие выводы.

– Истоки современного консерватизма обнаруживаются в трудах консерваторов-классиков конца XVIII – начала XIX вв., творчество которых неоднородно, что определяет расхождение и зачастую противостояние отдельных современных консервативных политических идеологий.

– Консерватизм, выступая идеологической реакцией на попытки ниспровержения значимых общественных традиций, представляет собой осознанный, теоретически аргументированный традиционализм независимо от его историко-временной ориентации: на идеалы прошлого, на сохранение статус-кво, на реформирование наличной политической реальности.

Системообразующим принципом консервативных идеологий, по мнению Гусева, выступает принцип следования традиции, который органично определяет все остальные принципы, неразрывно связывая их воедино: антииндивидуализм и антирационализм; культ церкви, семьи, армии; идею ранга в противовес идее равенства; патриотизм, культ сильного государства; отрицание революционных переворотов, культ осторожности перемен; признание зависимости прав и свобод граждан от конкретно-исторических условий; приоритет целого (государства, народа, нации) перед частью (слоем, партией, индивидом).

Консервативные идеологии, возникающие в различных культурных пространствах, опирающиеся в своем основании на разные традиции, обречены на принципиальную содержательную непохожесть, полагает ученый.

По мнению Гусева, в основе русского консерватизма лежит тысячелетняя традиция, связанная с идеалом православного типа социальных взаимоотношений, культом мощного централизованного государства, антизападничеством как ответом на регулярно воспроизводимые в истории вызовы со стороны романо-германской цивилизации. В русском консерватизме, принявшем идеологическую форму в начале XIX века, различаются три периода (волны): *1–дореволюционный консерватизм, как реакция на революцию во Франции и процесс западного влияния на Россию в XIX – начале XX вв.; 2–консерватизм русской эмиграции, как реакция на русскую революцию 1917 года; 3–современный консерватизм, как реакция на события конца 80-х – начала 90-х годов.*

---

⁶² “Консервативная русская политическая мысль”. – Тверь. 1997; “Консервативные идеологии” // Социологические исследования. 1994. №11. С.129-135; “К.П.Победоносцев – русский консерватор-государственник” // Социально-политический журнал. 1993. № 11/12; “Консерватизм в России” // Социологические исследования. 1993. №1. (в соавторстве); “Д.Хомяков: интерпретация девиза “Православие. Самодержавие. Народность” // Социально-политический журнал. 1992. №10; “Консервативная политология Ивана Ильина” // Социологические исследования. 1992. №4.

В дореволюционном русском консерватизме выделяются относительные направления политической мысли в соответствии с ударением, делаемым ими на отдельных элементах формулы “Православие, Самодержавие. Народность”; с характером их антизападничества; историко-временным положением их политического идеала (в прошлом, настоящем, будущем); степенью методологической универсальности их идей.

Консерватизм русской эмиграции выступает естественным преемником дореволюционного консерватизма: у И.А.Ильина в наибольшей степени просматривается преемственность с государственниками-охранителями (Н.М.Карамзиным, К.П.Победоносцевым, М.Н.Катковым, М.О.Меньшиковым и др.); у И.Л.Солоневича – со славянофилами (православно-русским консерватизмом); у евразийцев – с идеями Н.Я.Данилевского (исключая его панславизм) и К.Н.Леонтьева.

Поднимающаяся современная волна русского консерватизма знаменует его возвращение из эмиграции в Россию. Его антизападничество принимает характер антимиондиализма; отстаивание идеалов православной духовности тесно сопрягается с противодействием засилью псевдорелигиозных культов и сект; незыблемым остается идеал мощного централизованного государства. Перспективы третьей волны зависят от успешности преодоления разногласий по поводу формы будущего государственного устройства России, его оптимальных географических границ, внешнеполитических ориентаций, степени органичности социалистического периода развития России для ее тысячелетней истории.

Изучением **мелкобуржуазных политических доктрин преимущественно российского происхождения** многие годы занимаются ученые-политологи Л.А.Гончарук и Г.И.Королева–Конопляная.

Гончарук⁶³ в своих работах определил *типологию мелкобуржуазных политических концепций, выделив реформистский, ультраревolutionный и интегральный типы*. К реформистскому типу, по мнению Гончарука Л.А., относятся концепции “малых дел” либерального народничества, “кооперативного” и “конструктивного социализма” неонародничества, “этического” и “муниципального социализма” меньшевиков. Особенность данных политических концепций – отторжение легитимности политической власти, основанной на революционном насилии, диктатуре, авторитаризме. К ультраревolutionному типу Гончарук отнес концепции “анархо-коммунизма” и “анархо-синдикализма”. Их отличительная особенность – воинствующий антиэтатизм, политический волюнтаризм, отрицание какой-либо власти, авторитета. К интегральному типу ученых отнесены “анархо-синдикализм” и “анархо-универсализм”. Сущность этих

---

⁶³ “Марксизм-ленинизм и мелкобуржуазный псевдосоциализм.” – Л., 1985; “Мелкобуржуазные политические концепции в России (конец XIX – начало XX вв.).” ИНИОН АН, 1992.

концепций - отрицание политики и политических партий, синтез бунтарства, кооперации, реформизма.

Специфической особенностью русской политической мысли, как полагает Гончарук, является харизматизм. Другое своеобразие этой мысли состоит в единстве и столкновении различных тенденций и традиций национальной общины, русского почвенничества и западничества, веры, соборности и атеизма, монархизма и анархизма, марксизма и либерализма.

Реальное содержание политико-социологической теории либерального народничества и неонародничества заключалось, по мнению Гончарука, в сильном политическом протесте, направленном на ликвидацию наиболее уродливых сторон крепостничества, самодержавной власти, а также в идеях трудового начала и критически мыслящей личности, кооперативно-артельной организации труда, социализации, кредитных и страховых учреждений. Все это общедемократические ценности.

Мелкобуржуазные политические концепции в реалиях русской действительности таили в себе и деструктивное содержание – теоретический эклектизм, патриархальность, идеи примата распределения над производством. Тем не менее, мелкобуржуазные идеи в России не были чисто русским национальным явлением. Они интегрировали в себе многие идеи и принципы западноевропейской общественной мысли.

В научных трудах Г.И.Королевой–Конопляной⁶⁴ рассмотрены три крупные идейные линии в эволюции анархизма XIX–XX вв.: классическая, постклассическая и современная, каждая из которых имеет свои особенности в содержании, структуре и свои взаимосвязи.

Предложив в своих работах новую трактовку взглядов анархистов на содержание, природу, сущность государства, на критику ими социалистического государства, Королева-Конопляная показала дифференцированное отношение классического, постклассического и современного анархизма к различным видам власти.

Анализ причин бурного проявления анархизма в Европе и Америке в середине XX века, его специфики в разных странах, концептуальной направленности основных течений также следует отнести к достоинствам работ Королевой-Конопляной. Равно как показ ею теоретической взаимосвязи молодежных леворадикальных течений и анархизма, создание на этой базе новых ценностей в культуре и выявление причин возрождения российского анархизма в 90-х гг. XX в., его места в современном политическом процессе.

К числу наиболее изучаемых политологами идейных течений относится, безусловно, **коммунистическое и его разновидность – большевизм, а также социал-демократизм.**

---

⁶⁴ “Анархизм. Утопия и реальность.” – М., 1995; “Западная политологическая наука в XX в.” – М., 1994; “Анархизм и его место в развитии политической мысли.” Учебное пособие “История политической мысли”. – М., 1991; “Политическая теория и политическая практика.” Словарь-справочник (в соавторстве). – М., 1994; “Идеи федерализма в политической теории русского анархизма” // Социально-политический журнал. – 1995, №3.

Исследованием этой проблематики основательно занимаются В.Б.Пастухов и О.Ф.Русакова.

Особенностью научных трудов В.Б.Пастухова⁶⁵ является оригинальная авторская трактовка политической истории России. На первый взгляд, эта история переполнена *иррациональными перерывами поступательного развития, но будучи помещенной в контекст истории российской культуры, понимаемой в широком смысле как эволюция особой евро-азиатской цивилизации, политическая история России предстает как внутренне последовательный, строго логичный и непрерывный процесс развертывания политической организации российского общества от простейших форм к гражданскому обществу и политическому государству*. История российской культуры, взятая в определенном ракурсе, а именно как история развития цивилизации, оказывается тем особым “инфракрасным освещением”, в лучах которого политическая история России выглядит совсем иначе, чем при обычном “дневном свете”, и благодаря которому “безумие исторических красок” укладывается в строгую мозаику.

Из всего “веера” идей, касающихся политической судьбы России наиболее законченными сегодня выглядят два взаимосвязанных концептуальных положения:

– коммунистический режим в России был исторической аномалией, отклонением от “нормального”, “общечеловеческого” пути, вызванным как субъективными (точка зрения большинства), так и объективными (мнение меньшинства) причинами;

– распад коммунистической системы в России приведет к утверждению в российском обществе принципов и ценностей западной демократии, что, таким образом, еще раз подтвердит их универсальность.

В предлагаемой Пастуховым концепции обосновываются принципиально иные тезисы, а именно:

– российский коммунизм выглядит аномалией лишь в рамках западной культурной ориентации, в то время как для России это была исторически логичная фаза ее развития;

– поскольку Россия представляет иной, чем Запад, тип культуры, то распад коммунистической системы означает начало новой фазы эволюции специфической евразийской цивилизации; в российском посткоммунистическом обществе западные ценности не могут не быть прямо заимствованы и усвоены, а неизбежно будут перерабатываться российской культурной средой.

---

⁶⁵ “Общественные движения России в эпоху перестройки.”– М., 1991; “Три времени России. Общество и государство в прошлом–настоящем–будущем.”– М., 1994; “Культура и государственность в России: эволюция евро-азиатской цивилизации.”– М., 1995.

Исследованием общих проблем идеократии в России уже не один год занимается доктор политических наук Ю.М.Воронов⁶⁶. В своих научных трудах Воронов поставил и в общем виде решил задачу *разработки методологических основ анализа идеократии и формирования теоретических перспектив изучения данного феномена. Им сделан анализ возможности использования разработанных ранее теорий идеологии и тоталитаризма для создания политико-социологической концепции идеократии.*

Охарактеризовав основные направления разработки современной российской концепции идеократии с учетом исторического развития российского общественно-политического сознания и реалий социально-экономического состояния страны на данном этапе и особенностей общественного сознания, Воронов провел типологический анализ ценностных оснований идеократии и на этой основе изучил структуру и содержание политических ценностей и устойчивых характеристик отношения к политическим институтам с точки зрения характеристики политической субкультуры, определил основные тенденции развития информационного общества в направлении ноосферной цивилизации, в рамках которого формируются предпосылки отрицания идеократической формы государственного устройства. Сформулировав современную концепцию идеократии, основанной на концептуальном опыте классических теорий идеологии и тоталитаризма Воронов выявил взаимосвязь между идеологическими конструкциями, тоталитарной социальной организацией и идеократической практикой. В своих трудах ученый также обосновал некоторые концептуальные нововведения и в том числе следующие: *социокультурную динамику “русской идеи” в контексте теории “больших волн”; альтернативность правовых и идеократических форм правления; полифункциональность идеологии; управленческую триаду и идеально-типологическую природу метапаттернов идеократии.*

Типологии основных концептуальных моделей большевизма, существующих в отечественной общественной мысли, которая связана с выделением веховской, евразийской, сменовеховской, социал-демократических, марксистско-ленинской и ряда современных моделей большевизма, посвящены такие работы О.Ф. Русаковой⁶⁷.

Ею введены в научный оборот новые классификационные понятия – “правоменьшевицкая модель”, “левоцентристская модель”, “дуалистическая модель”, “гомогенная модель”, “гибридная модель”, “культурно-политическая циклическая

---

⁶⁶ “Становление идеократии: истоки, ментальность, аппарат (1917–1929 гг.)” – Иваново. 1993; “Идеократия. Историко-политические контексты.” – Спб. 1998; “Идеократия как идеальное государство в творчестве евразийцев.” В кн. “Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции. Межвузовский сборник научных трудов” – Иваново. 1997; “Устойчивое развитие региона. К постановке проблемы” // Экология промышленности. –1997. №8 (в соавторстве); “Метапаттерн идеократии” // Ученые записки экономико-архитектурного факультета ИГАСА. Вып. 8. Иваново. 1998; и др.

⁶⁷ Анатомия большевизма: отечественный опыт концептуального осмысления”. Екатеринбург, 1993; Лику российского радикализма. Екатеринбург, 1994.

модель”, “социокультурная циклическая модель”, позволяющие провести дифференциацию отечественных концепций большевизма.

Вскрыв идейно-теоретические взаимосвязи и преемственность между различными концепциями большевизма, Русакова выявила современные тенденции развития отечественного большевизмоведения, определила ведущие теоретико-методологические направления – западническое, прославянофильское, неоевразийское, неовеховское.

На основе применения политологического и культурно-исторического анализа Русаковой предложена авторская концепция большевизма, где исследуемый феномен трактуется как модернизированный рецидив традиционных структур российского социума, представляющий историческую форму перехода России в новое социокультурное качество, и в то же время – как историческая форма российского радикализма. Большевизм рассмотрен Русаковой как сложное соединение якобинской и революционно-демократической традиций российского радикализма. Проведя дифференциацию между духовно-психологическими укладами раннего большевизма (до начала 30-х годов) и позднего большевизма (эпоха сталинизма), ученая выявила их структурные элементы, отметив такие черты раннего большевизма как: революционно-социалистический романтизм, инерционный демократизм, духовно-бытовой аскетизм, специфическая народность. С утверждением сталинского духовно-психологического уклада, для которого характерны имперский национализм, патернализм, псевдонардность самодержавного типа, все эти черты ушли в прошлое.

* * *

Завершая обзор по внутривнутриполитической проблематике, следует сказать и о том, что не все аспекты политической науки пользуются должным вниманием российских докторов политических наук. Но из года в год тематика их исследований расширяется, и это позволяет надеяться, что со временем мы получим новые оригинальные исследования.

Часть II. Исследования по международной тематике.

Российских докторов политических наук, разрабатывающих международную проблематику, можно с некоторой долей условности разделить на три группы: 1–теоретиков международных отношений; 2–специалистов по внешней политике России и 3 – страноведов.

К первой группе можно отнести Хрусталева М.А., Фельдмана Д.М., Лебедеву М.М., Кудрявцева В.Б., Дзасохова А.С., Кривохижу В.И., Явчуновскую Р.А., Смульский С.В.

Докторская диссертация Хрусталева М.А. посвящена теме “Системное моделирование международных отношений”. В этом исследовании и в других его научных трудах⁶⁸ изложена оригинальная концепция моделирования международных отношений, не имеющая аналогов ни в отечественной, ни в зарубежной науке. Важным достоинством этой концепции является, с одной стороны, ее междисциплинарный характер (“тринарный” теоретический синтез, т.е. синтез понятийного аппарата философской теории познания системного подхода и теории международных отношений), а с другой стороны, возможность преобразования ее в формализованную теоретическую (абстрактную) модель системы международных отношений (СМО).

Такая модель имеет четкую практическую направленность, поскольку, отталкиваясь от нее, можно создать нормативную основу для осуществления прикладных модельных исследований международных отношений. Модельная типология позволяет исследователю, осуществляющему конкретную модельную разработку, адекватно оценивать предмодельную ситуацию, выбрать соответствующий вид и тип модели и наглядно представить себе, на каком этапе моделирования он находится.

Системный подход (в варианте общей теории систем), по мнению Хрусталева, целесообразен и эффективен для построения не только концептуальных, что уже неоднократно имело место в мировой науке, но и теоретических моделей СМО.

Модельные исследования особенно важны при работе с использованием ЭВМ, так как диалог с компьютером может вестись только на базе формализованной модели объекта.

Исследование динамики развития системы международных отношений привело Хрусталева к следующим выводам, имеющим не только важное значение для политической науки, но и большое практическое значение:

- период стихийного развития СМО закончился или заканчивается, она становится управляемой, в результате чего резко уменьшается элемент случайности;
- формирование мирохозяйственного комплекса есть явление закономерное, отвечающее объективным потребностям человеческой цивилизации. Распад или развал этого комплекса нанес бы огромный вред всем его участникам;
- политика “семерки” направлена на формирование единого мирового правового и политического пространства, как условия экстенсивного развития мирохозяйственного комплекса, а в конечном итоге - преобразования его в глобальный.

Другим исследователем международных отношений является Фельдман Д.М. Его докторская диссертация написана на тему “Конфликты и стабильность в международных отношениях (Теоретические проблемы социально-политического анализа)”. Эта и другие

---

⁶⁸ Системное моделирование международных отношений (учебное пособие). - М., МГИМО, 1987; Основы теории внешней политики государства” (учебное пособие). - М., УДН им. П.Лумумбы. 1984; Теория политики и политический анализ. (Учебное пособие). - М., МГИМО, 1991.

работы этого ученого⁶⁹ посвящены *анализу опыта мировой и отечественной науки, изучающей международные отношения*. В них показана возможность не только концептуальных или эмпирических моделей конфликта и стабильности в международных отношениях (что уже практикуется в мировой науке), но и построена теоретическая модель их взаимодействия, что означает принципиально новый уровень изучения конфликта и стабильности в международных отношениях.

Выявив значение и соотношение общественных потребностей, интересов, целей и средств международной деятельности в детерминации конфликта и стабильности в международных отношениях, ученый доказал, что этот процесс не сводится к проявлению общественных потребностей и интересов во взаимодействии на мировой арене и не является отражением взаимоотношений отдельных социальных групп внутри общества.

Дав сравнительный анализ роли и специфики монополюсно-централистской и плюралистической форм организации общественной жизни в детерминации конфликта и стабильности в международных отношениях, Фельдман вместе с тем обосновал целесообразность социально-ориентированного использования силы в международной деятельности нашего государства, определил формы и пределы ее рационального использования, сформулировал систему внешнеполитических целей современной России, основанную на приоритете интересов личности и общества.

Выявив структурно-функциональные характеристики конфликта и стабильности в международных отношениях, их социальная основа и возможности операционального использования, состоящие в сознательном, целенаправленном регулировании напряженности во внутриобщественных и международных отношениях, ученый дал критический анализ нормативных концепций, определявших позицию нашей страны по отношению к конфликтам и стабильности на мировой арене, аргументировал вывод, состоящий в том, что успех внешнеполитической деятельности России, направленной на урегулирование международных конфликтов и обеспечение международной стабильности, определяется эффективностью выполнения ею миротворческих функций, включая деятельность в рамках международных организаций и использование всех компонентов ее силового потенциала.

Исследованием международной проблематики много лет занимается и Лебедева М.М., защитившая докторскую диссертацию на тему: “Процесс международных переговоров”.

---

⁶⁹ Социалистические международные отношения. Очерк системного исследования. - М., 1981; Межгосударственные конфликты и общественные интересы. // Социально-политические науки. - 1990. № 12; Социальная природа межгосударственных конфликтов и общественные интересы. // Социальные конфликты в тоталитарной системе. - М., 1991; Введение в социологию международных отношений. Учебное пособие гл III и IV. - М., 1992.

В ее научных работах⁷⁰ впервые в отечественной и зарубежной науке *сформулирован подход к международным переговорам как к процессу деятельности в сфере внешней политики и дипломатии. Международные переговоры рассматриваются ученым как объект системного анализа, в котором в первую очередь анализируется их процессуальный, технологический аспект.* Такой акцент позволяет выделить в международных переговорах собственно политологический аспект.

В работах Лебедевой определяется роль и место переговоров в современных международных отношениях, *разработана оригинальная теоретическая модель международных переговоров, изучены ее структурные звенья и раскрыты механизмы функционирования.* В них также обоснованы новые методические и методологические принципы и подходы к анализу международных переговоров, предложена конкретная методика, позволяющая проводить мониторинг переговорного процесса, проанализирована специфика международных переговоров на уровне отдельных государств и их представителей.

Наряду с этим Лебедевой исследованы также роль, значение и функции переговоров в современных международных отношениях. Ею показано, что в настоящее время вследствие высокого уровня взаимозависимости мира при решении спорных проблем, возникающих на глобальном уровне, международным переговорам не остается другой равноценной альтернативы, а на региональном и более низких уровнях значение переговорных решений еще более возрастает. Развитие интеграционных процессов в мире ведет к усилению роли переговоров как средства осуществления международного сотрудничества. Все это в целом обусловило возрастание значимости международных переговоров и нашло отражение в их интенсификации, институализации ряда переговорных форумов, увеличении их влияния на различные сферы международной жизни. Выявив функции международных переговоров, Лебедева показала, что наряду с основной функцией (совместным решением международных проблем) переговоры обладают рядом других, среди которых наиболее существенными являются информационно-коммуникативная, регуляционная, отвлечение внимания партнера от проблемы и пропагандистская. В процессе переговоров эти функции образуют иерархию.

Впервые в российской политической науке Лебедевой была детально разработана также *структура международных переговоров, выделены три их стадии, этапы, способы подачи позиции, тактические приемы.* В результате ученым предложена методика, позволяющая проводить мониторинг переговорного процесса, показаны национальные и личностные особенности ведения переговоров.

---

⁷⁰ Уметь вести переговоры: практические рекомендации по подготовке и ведению переговоров. - М., 1991; Вам предстоит переговоры. // Экономика - М., 1993; Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технология. - М.: Аспект-Пресс. 1998.

Одному из актуальнейших аспектов современной международной жизни посвятил несколько своих научных работ Кудрявцев В.Б., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Эволюция военно-политической стратегии НАТО на современном этапе (1967–1992 гг.) в контексте европейской безопасности.

В них Кудрявцев⁷¹ всесторонне проанализировал особенности современного переходного периода в международных отношениях, главной из которых является *эволюционирование международно-политической системы от состояния соперничества к широкому диалогу, сотрудничеству и партнерству государств Востока и Запада*. Вклад ученого в науку состоит и в *обобщении теоретических положений, касающихся функционирования военнополитических союзов (на примере НАТО) в период от индустриального к постиндустриальному обществу*.

В связи с этим Кудрявцевым выявлена и обоснована закономерность, состоящая в том, что уровень усилий НАТО в военно-политической области в 70-80-е годы был адекватен степени конфронтационного накала во взаимоотношениях на линии Восток-Запад. В отличие от доминировавших прежде концепций односторонней агрессивности НАТО Кудрявцев убедительно показал, что снижение уровня конфронтации после окончания “холодной войны” привело к трансформации военно-политических усилий НАТО, изменению ее военной доктрины и основополагающих военно-стратегических концепций, а также роли Североатлантического союза в современном мире. Это создает благоприятные предпосылки для всестороннего развития взаимоотношений России с НАТО, включая военно-политическую сферу.

В результате исследования военно-политической деятельности НАТО ученым делается принципиальный вывод о том, что, учитывая стабильность и эффективность функционирования НАТО как военно-политической межгосударственной структуры, она (наряду с другими европейскими институтами - СБСЕ, ЕС, ЗЕС) могла бы явиться одной из организационных основ будущей системы коллективной безопасности в Европе.

Анализ приводит Кудрявцева также к выводу об открытости и многовариантности будущих отношений России с НАТО и о возрастающем значении фактора политической воли в историческом развитии международных отношений в современной Европе.

К числу теоретиков международных отношений можно отнести и Дзасохова А.С., докторская диссертация которого посвящена теме “Деколонизация и мировой общественный прогресс (вторая половина XX века).”

---

⁷¹Эволюция военно-политической стратегии НАТО на современном этапе (1967-1992 гг.) в контексте европейской безопасности. - М., 1992.

В научных трудах этого ученого и известного политика⁷² нашел отражение *новый подход к проблемам все еще мало использованных резервов “народной дипломатии” в социально-политической, экономической, международно-правовой и других сферах*. Во всех этих сферах “народная дипломатия” имеет серьезные возможности расширить свои позиции, вовлечь в свои ряды новые слои трудящихся города и деревни, интеллигенции, национальной буржуазии, духовенства и других патриотических слоев, в среде которых растет понимание сложившегося неравенства, дискриминации в мирохозяйственных отношениях, усиливается тяга к упрочению национального суверенитета. Решение указанной задачи открывает, в свою очередь, новые возможности для возрождения существовавших и формирования новых общественно-политических движений за полную деколонизацию и демократию, за согласованные действия, направленные на установление более справедливого международного экономического порядка, достижение социального прогресса.

Проанализировав в своих трудах растущие убеждения демократических кругов афро-азиатского региона в том, что окончание “холодной войны” и переход от биполярности к многополярности в международных отношениях открывает качественно новые перспективы для завершения деколонизации и достижения экономической самостоятельности бывшими колониями и полуколониями, Дзасохов вместе с тем предпринял попытку разработать собственную концепцию оптимизации взаимодействия современных демократических сил афро-азиатского мира. Она исходит из принципа политической целостности на основе многообразия, допускает существование различных региональных подходов к решению насущных проблем деколонизации, социального прогресса и безопасности. Противоречия в рамках самого движения рассматриваются соответственно как явления имманентного характера, отступающие объективно на второй план по сравнению с антагонизмами внешнего, международного характера.

Всесторонне рассмотрев перспективы евразийской интеграции, ученый обращает внимание на то, что в условиях отнюдь не простого геополитического переустройства биполярного, идеологически разорванного послевоенного мира, первые ростки евразийской интеграции внушают немалые надежды и оптимизм. Причем процесс этот после почти стихийного разрушения несущих конструкций СССР - объективный, т.е. независим от субъективных действий, хотя последние могут существенно ускорить или, напротив, затормозить интеграционные явления. Именно поэтому сама концепция евразийской интеграции обретает все более глубокое понимание в демократических кругах афро-азиатского мира.

---

⁷² Единство и взаимодействие антиимпериалистических национально-освободительных сил (опыт, проблемы, перспективы). - М., 1986; “Третий мир” и урегулирование геополитических проблем современности. - М., 1996.

Одним из докторов политических наук, который весьма основательно занимается международной проблематикой, является Кривохижа В. И. Его диссертация исследует тему “Россия в новом мире: время решений”.

Как в этой работе так и в других своих научных трудах⁷³, ученый приходит к следующим выводам.

Анализ и создание методик оценки состояния международной безопасности и стратегической стабильности должны в полной мере учитывать практические итоги той эволюции, которую претерпели принципы вычленения основных структурных единиц системы международных отношений, их относительное значение, а также подходы к описанию и практическому осуществлению взаимодействия первичных элементов этой формирующейся системы.

Поставленная учеными разных стран задача разработки теории динамической стратегической - в широкой трактовке этого понятия, т.е. глобальной в первую очередь - стабильности для условий нестабильного мира (нестабильного в том смысле, что его структура - число и состав “полюсов” и других элементов, их характеристики, как и характеристики взаимосвязи элементов, - постоянно меняется) оказалась в целом ряде отношений невыполнимой. Большинство из полученных на сегодняшний день результатов применимы лишь для квазидинамической модели мира, которая описывает последовательную цепь реализации статистических состояний системы международных отношений.

Комплексный анализ существующего положения дел и перспектив ратификации Договора СНВ-2, будущего переговорного процесса по дальнейшему сокращению стратегических ядерных вооружений позволил ученому прийти к обоснованным выводам, в том числе прогнозного характера, *о явной целесообразности сокращения количественных уровней нынешних СНВ РФ и США, а также об организационных принципах оптимизации такого рода решений.*

На протяжении последних примерно десяти лет восприятие системы европейской безопасности претерпевает быстрые и существенные изменения. Их характер позволяет говорить о том, что ведущие страны Запада, определяя политику НАТО, в большей мере исходят из стремления максимально использовать в своих интересах возможности, которые представились в связи с распадом СССР, а затем и кризисом в самой России, а не из стратегического курса на создание системы коллективной безопасности, идеи столь популярной в 80-х гг. И по мере ослабления позиций России амбиции этих стран постоянно возрастают. В результате совокупного воздействия ряда обстоятельств предсказуемость

---

⁷³ Россия в новой структуре международных отношений. Полис. 1995; Ядерный фактор в современном мире. Коллективная монография. - М. РИСИ.1996.

европейской ситуации дополнительно усложняется. Такое положение скорее всего будет сохраняться до тех пор, пока Россия не преодолеет кризисный период своего развития.

Общая тенденция развития военно-политических процессов в СНГ дает основание полагать, что сегодня национальным интересам России в этой сфере более всего соответствует строго дифференцированный подход, учитывающий реальную заинтересованность в укреплении военных связей с каждой из стран Содружества и реальную политику, проводимую их руководством. Перенос акцента с многосторонних на двухсторонние военно-политические и военно-экономические связи не перечеркивает целесообразности продолжения коллективных усилий, но открывает возможность перевести переговорный процесс в русло налаживания сотрудничества на строго прагматичной основе, что в конечном счете может способствовать реальному прогрессу и в сфере коллективной безопасности.

К числу исследователей международных проблем принадлежит и Явчуновская Р. А. Ее докторская диссертация посвящена теме “Современные социально-политические проблемы стабильности полиэтнического мира”.

Научные труды Явчуновской ⁷⁴ посвящены проблеме, актуальность которой обусловлена сложнейшим многофункциональным противоречивым характером развития полиэтнического мира в современных политических реалиях. Речь идет о *специфике проявления социально-политического и эколого-экономического фактора международной деятельности в период перехода к устойчивому развитию полиэтнического общества*. Раскрыв теоретико-методологические основы и принципы формирования современной этнонациональной политики в контексте общих тенденций мирового развития, Явчуновская провела анализ динамики взаимообусловленности развития полиэтнического общества в отношении к использованию природной среды. При этом ею выявлены основные закономерности и возможности перехода полиэтнического российского общества к устойчивому развитию и проведено исследование детерминант управления как процесса планирования, организации, контроля в целях формирования механизма жизнеобеспечения этнического многообразия и возможного его устойчивого развития. Теоретическая модель развития полиэтнической ноосферы представлена в работах Явчуновской как системная целостность.

В научных трудах Смутьского С.В. ⁷⁵, защитившего докторскую диссертацию на тему “Теоретико-методологические проблемы управления конфликтами в международных

---

⁷⁴Человек. Полиэтнический мир. Безопасность. - М. 1998; Социальная экология этносов. - М. 1995.

⁷⁵ Методологические принципы и основные пути формирования стратегии управления военными конфликтами//Проблемы реформирования России и современный мир. М. РАГС. 1997; Социальная безопасность. Учебное пособие (Под ред. А.Б.Василенко и С.А.Проскурина). М. ТОДЖИ (в соавторстве). Ч.І. Основы безопасной жизнедеятельности. 1997. Ч.ІІ. Культура безопасной жизнедеятельности. 1998; Социальный конфликт в контексте осмысления социальной безопасности//Проблемы формирования

системах”, представлено новое направление исследовательской деятельности, связанное с международными конфликтами и формированием теории управления конфликтами в международных системах. Смольским разработаны теоретико-методологические основы формирования теории управления конфликтами в международных системах и методологических принципов, выступающих в качестве регуляторов синтеза определенных знаний, составляющих содержание формируемого теоретического построения. Сформулировав и обосновав положение о механизме управления международными конфликтами, ученый осуществил анализ его основных разновидностей и привел в систему методологические принципы оптимизации управления международными конфликтами, учитывающих различные критерии как рациональности управленческих решений, так и деятельности по их реализации. На теоретико-методологическом уровне ученым построена концепция методологических оснований формирования общей теории управления социальными конфликтами, обоснованы ее функции и категориальный аппарат.

* * *

Ко второй группе исследователей, как уже отмечалось выше, относятся те, кто занимается главным образом анализом внешнеполитической деятельности России. К их числу можно отнести докторов политических наук Фролова А.В., Манилова В.Л., Богатурова А.Д., Проскурина С. А., Петровского В.Е., Задохина А.Г., Павленко С.З., Макеева А.В., Воскресенского А.Д. Научное творчество некоторых из названных ученых представлено ниже.

В докторской диссертации “Проблемы региональной безопасности во внешней политике СССР и России (военно-политические аспекты)” и в других научных трудах Фролова А.В.⁷⁶ впервые в российской политической науке *предпринята попытка объединить в единое целое проблемы региональной безопасности страны, исследовать подходы к их решению в их эволюции, преемственности и взаимосвязи с другими элементами международной безопасности, включая ее глобальные аспекты.*

культуры безопасной жизнедеятельности в условиях современной России. М. МГСУ. 1998; *Философско-политологические проблемы национальной и военной безопасности. Учебное пособие. Ч.1. Философия безопасного существования человечества.* М. Изд-во ВА РВСН им. Петра Великого, 1998 (в составе авторского коллектива); *Управление социальными конфликтами как фактор укрепления национальной безопасности // Проблемы теоретического осмысления концепции национальной безопасности Российской Федерации.* М. Мнемозина. 1998; *Некоторые аспекты проблемы управления социальными конфликтами и кризисами // Кризис как политическая константа современной российской действительности.* М. МГСУ. 1999; *Проблемы формирования политики информационной безопасности России // Гуманитарные аспекты информационной безопасности в условиях современного развития России.* М. Изд-во ВА РВСН им. Петра Великого. 1999.

⁷⁶ *Необъявленные войны США (под псевдонимом П.Хлебников).* -М. 1984 (в соавторстве); *Поставки оружия в ближневосточной политике США.* - М., 1988; *Россия, Запад и ограничение региональной*

Обосновав правомерность существования самого понятия региональной безопасности во внешней политике страны, Фролов раскрыл содержание этого явления и дал ему определение, выявив при этом его структуру и определив его место в системе национальной безопасности страны, показав преемственность во внешней политике СССР и России на региональных направлениях. Вместе с тем им рассмотрены особенности вносимые руководством страны в дело обеспечения региональной безопасности в связи с новыми явлениями международной жизни, изменениями в балансе сил и т.д.

Анализируя советскую и российскую политику в деле обеспечения региональной безопасности и стабильности вдоль границ страны, ученый применил комплексный метод ее рассмотрения сквозь призму нескольких явлений: общей эволюции социально-политической жизни страны; состояния и уровня развития материально-технической базы государства, определявшей и определяющей степень уверенности советского и российского руководства на международной арене; изменений в развитии международной обстановки, оказывавших и оказывающих самое непосредственное воздействие на природу, суть, движущие мотивы современных вооруженных конфликтов и кризисов; способы ведения боевых действий; развитие вооруженных сил; состояние научной и теоретической мысли в области поиска оптимальных способов обеспечения международной безопасности СССР и России как на глобальном, так и на региональном уровне.

Достоинством научных трудов Фролова является также исследование фактора субъективности в принятии политических решений по вопросам политики в области региональной безопасности. При этом излишне субъективный подход часто приводил к принятию неправильных политических решений, наиболее ярким проявлением которых стал Афганистан.

Важнейшим выводом ученого является вывод о том, что наибольшие угрозы как международной, так и региональной безопасности России в особенности существуют и могут возникать даже не вне, а внутри нее самой. Они связаны с нерешенностью проблем внутреннего социально-политического развития, ведущим к дезинтеграции общества, ростом сепаратизма и преступности, неспособностью властей улучшать благосостояние своих граждан, с урезанием демократии, развалом экономики, военно-производственного и научного комплексов. В подобной ситуации все большее число региональных и даже локальных вызовов РФ будет исходить не только со стороны соседних государств, но и движений, организаций, незаконных вооруженных формирований и т.д., на которые страна не сможет отвечать эффективно и адекватно. В подобной ситуации не может быть речи о подъеме патриотизма российских граждан, росте морального состояния Российских

вооруженных сил, а сама Россия будет не способна сплачивать вокруг себя реальных политических союзников и вообще их иметь.

Другим исследователем внешнеполитической тематики является Манилов В.Л., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Теория и практика организации системы обеспечения национальной безопасности”.

Значимость научных трудов этого ученого⁷⁷ для политической науки и практики России заключается в том, что *в них исследован важный аспект государственного строительства, состояние, характер и развитие которого в значительной мере определяет и будет определять место и роль России в мире.* Содержащийся в них анализ, положения, выводы и предложения могут быть использованы как для подходов к проблеме совершенствования и дальнейшего развития системы обеспечения национальной безопасности, прикладных аспектов концепции национальной безопасности России, так и для реализации при создании и реформировании отдельных элементов и в целом системы национальной безопасности России.

Результаты исследований Манилова нашли практическое применение в ряде концептуальных решений Совета Безопасности Российской Федерации, в программных документах, касающихся определения, реализации и защиты национальных интересов России в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе, на Кавказе, в отдельных сферах экономической, технологической, информационной безопасности, в области военного строительства, изменении состава Совета Безопасности, реорганизации его межведомственных комиссий и аппарата, в создании отдельных элементов системы координации и контроля деятельности министерств и ведомств по подготовке и реализации решений Совета Безопасности, указов и распоряжений Президента по вопросам национальной безопасности.

Маниловым впервые сформулированы методологические основы организации системы безопасности и ее обеспечения, проанализирован мировой опыт организации систем обеспечения безопасности. Им сделана попытка с системных позиций выявить национальные ценности, сформулировать национальные интересы и с учетом существующих и вероятных опасностей и угроз определить национальные цели России. Проанализировав существующую систему власти в России, генезис элементов системы обеспечения национальной безопасности России, Манилов дал оценку правовой и научной основы функционирования системы обеспечения безопасности России. На основе сравнительного анализа организации деятельности Совета Безопасности России и Совета

---

⁷⁷ Исследование проблем национальной безопасности России: вопросы методологии.// Военная мысль. №5 - М.,1995; Национальная безопасность России: ценности, интересы и цели.// Военная мысль. №6 - М., 1995; Система национальной безопасности: зарубежный опыт. //Зарубежное военное обозрение. №10. - М. 1995.

национальной безопасности США им выявлены возможности для повышения эффективности функционирования системы обеспечения безопасности России.

Докторская диссертация Проскурина С.А., посвященная теме: “Теоретико-методологические проблемы формирования внешнеполитического курса Российской Федерации в условиях меняющегося мира” и другие научные исследования ⁷⁸ этого автора вносят важный вклад как *в развитие теории внешней политики и международных отношений переходного периода так и в научное обоснование взаимосвязанности мироориентирования Российской Федерации и проблем ее социально-экономической и политической трансформации.* Ученым уточнены и конкретизированы существенные характеристики внешнеполитического курса государства как категории политической науки и явления политической практики, проведен анализ современного этапа мирового развития, определено место России в общецивилизированном процессе. Выявив основные закономерности функционирования и развития системы межгосударственных отношений на современном этапе, Проскурин вместе с тем исследовал цивилизационно-культурологические проблемы самоидентификации России в современном мире и определил основные элементы ее национально-государственных интересов. Большое внимание в работах ученого уделено выяснению теоретико-методологических основ и методологических принципов формирования и реализации внешнеполитического курса России в условиях меняющегося мира, а также теоретическому моделированию основных направлений внешнеполитического курса России исходя из новой парадигмы современного мирового развития.

Теоретико-методологические проблемы, поднятые Проскуриным, непосредственно связаны с решением практических задач по возрождению России, формированию стратегии ее национальной безопасности и внешней политики, определением приоритетов внешнеполитической деятельности на современном этапе развития страны и мира в целом.

Петровский В. Е., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после “холодной войны”: эволюция, перспективы российского участия”, посвятил свои основные труды ⁷⁹ *развитию концепции международных режимов безопасности применительно к Северо-восточной Азии и Азиатско-тихоокеанскому региону(СВА И АТР).* Основываясь на анализе опыта и уроков построения систем региональной безопасности в Азии, ученый *исследует эволюцию*

---

⁷⁸ Теоретические основы внешнеполитической стратегии России. - М. Ин-т стали и сплавов. 1997; Социальная безопасность. - М. ТОДЖИ. 1997; Введение в теорию международного конфликта. (составе авторского коллектива). - М. РАГС. 1996.

⁷⁹ Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после “холодной войны”: эволюция, перспективы российского участия. - М. Изд. “Памятники исторической мысли”. 1998; “Международные режимы безопасности в АТР: варианты российского участия”. Проблемы Дальнего Востока, № 5. 1997; Россия и региональные режимы безопасности: новая парадигма?”. Политика. Вестник Фонда “Российский общественно-политический центр”. №3(5). 1997.

формирования и базисные структурно-функциональные параметры региональных режимов безопасности в АТР, определяет роль и перспективы участия России в их развитии в период после “холодной войны”. В его трудах решена весьма важная в научном и актуальная в практически-прикладном плане проблема выработки нового типа отношений безопасности в пост-биполярном мире. Международные режимы, объединяющие в себе элементы международных институтов и неформальных норм, правил и принципов международного поведения, интерпретируются ученым как компоненты модели безопасности на основе сотрудничества, которая идет на смену традиционным блоковым отношениям и системам коллективной безопасности в Азиатско-тихоокеанском регионе.

Кроме упомянутых проблем в работах Петровского также исследованы *основные предпосылки перехода от конфронтационных систем региональной безопасности к качественно новому этапу обеспечения безопасности на основе сотрудничества, определены теоретическое содержание и базисные качественные характеристики региональных режимов безопасности.* Основываясь на политологическом анализе функционирования и развития международных режимов безопасности, ученый формулирует ряд важных теоретических выводов и обобщений. Он констатирует, в частности, что концепция региональной безопасности на основе сотрудничества является адаптированным компромиссом теорий коллективной безопасности и реализма (баланса сил) в международных отношениях, и реализуется в виде поэтапного многостороннего диалога, дополняющего двусторонние оборонительные союзы, гибкого по форме и составу участников, для обсуждения широкого спектра проблем безопасности и стабильности в СВА и АТР.

В научных трудах Петровского содержится также закономерный вывод о том, что существенной особенностью и неотъемлемым условием функционирования региональных режимов безопасности является их взаимосвязанный и взаимодополняющий характер. Статус России как ведущей ядерной державы, постоянного члена Совета Безопасности ООН, а также защита и продвижение национальных интересов РФ в сфере безопасности на азиатско-тихоокеанском направлении требуют безусловного участия страны в региональных режимах безопасности по всему их существующему спектру, как в форме непосредственного участия, так и в роли балансира, арбитра и посредника.

В число исследователей внешнеполитической деятельности России входит и Задохин А. Г., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Процесс становления отношений России с новыми государствами Евразии (в аспектах историко-культурной преемственности)”.

Научные труды этого ученого⁸⁰ вносят существенный вклад в современную политическую науку. До сих пор в России и за рубежом не предпринималось попыток *дать анализ процесса становления отношений Российской Федерации с новыми независимыми государствами Евразии, образовавшимися после распада СССР в аспектах историко-культурной преемственности*. Задохин А.Г. рассматривает эту проблему через призму взаимообусловленности евразийской безопасности и национальной идентичности. Борьба за выживание, за обеспечение безопасности, по мнению исследователя, формирует национальный характер, национальную идентичность, а оформившаяся идентичность определяет отношение к национальной безопасности, а значит и влияет на культурные корни и культурную логику евразийских международных отношений и внешней политики России, дает ощущение ее будущих потенциальных возможностей, свободы выбора, творчества, многовариантности национальной исторической судьбы. Особый интерес в трудах ученого представляет впервые проведенный анализ формирования национальных архетипов России во взаимосвязи с ее внешней политикой и развитием международных отношений и также впервые осуществленный комплексный анализ процесса структурной трансформации периферийно-контактных зон евразийского пространства. В своих исследованиях Задохин исходит из того положения, что евразийское пространство сформировалось в результате длительного последовательного и параллельного взаимодействия целого ряда этногрупп и социально-политических образований, а также под воздействием глобальных процессов культурного, экономического и политического характера, что создало особую самодостаточную геосоциокультурную подсистему.

Современная внешняя политика России в Евразии, по мнению Задохина, решает две главные взаимосвязанные задачи: обеспечение национальной безопасности и сохранение национальной идентичности. Желаемым продуктивным ответом России на вызовы новой евразийской геополитической реальности может быть не только определенный баланс сил и интересов, но и трансформация общественного сознания, формирование такой системы ценностей, которая бы сочетала в себе традицию и новую культуру мировосприятия и поведения на евразийском пространстве.

В научных трудах Павленко С. З., защитившего докторскую диссертацию на тему: *“Безопасность российского государства как политическая проблема”*⁸¹, раскрыта *политическая сущность безопасности государства как его способность стабильно функционировать, развиваться и процветать в условиях взаимодействия, борьбы с другими социально-политическими системами, имеющими несовпадающие или противоположные*

---

⁸⁰ Россия и Евразия: международные отношения и внешняя политика. - М.1998; Политические процессы на периферии Евразии. - М. 1998.

⁸¹ Проблемы теории безопасности (методология, концепция, обучение. - М. 1995; Обеспечение безопасности государства (теоретические и политические проблемы. - М. 1997; Управление социальной безопасностью (концепции, технологии). - М. 1998.

политические ценности, интересы, цели (политические конфликты), при неполноте или отсутствии информации о направлениях и стратегиях развития государства (политические неопределенности) и вероятности ущерба от осуществления политики в условиях политических конфликтов и неопределенностей (политические риски). Ученый доказывает, что безопасность государства формируется соответствующей политикой, обеспечивающей постоянную изменчивость, самообновление и самоорганизацию политических институтов, процессов и отношений, на основе и посредством которых реализуются жизненно важные интересы государства, при сохранении и росте его качественных характеристик.

В работах Павленко содержится обоснование того обстоятельства, что политика обеспечения безопасности Российского государства имеет зоны, где ее влияние на политические процессы и отношения ограничено. Поэтому для повышения эффективности современной политики безопасности Павленко предлагает формировать ее на основе принципов “мягких” и “жестких” стратегий, что позволит реализовать жизненно важные интересы государства, согласовывая их с аналогичными параметрами личности и общества. Доказывая, что для повышения эффективности и политического управления в сфере безопасности необходимо сформировать политические и социально-политические институты, которые бы позволяли своевременно прогнозировать, выявлять и разрешать политические конфликты, неопределенности и риски и стимулировать самоорганизующиеся политические процессы, Павленко предложил новые подходы к анализу политических угроз интересам государства. Их прогнозирование и выявление должны осуществляться на стадии “слабых сигналов”, характеризующих те или иные отклонения от политических ценностей, интересов и целей государства. В связи с этим ученым вводится в научный оборот понятие “специальные технологии обеспечения безопасности государства,” в качестве которых предлагается рассматривать разведку, контрразведку и оперативно-розыскную деятельность, играющих важную роль в информационном обеспечении политических решений в сфере безопасности и выявления внешних и внутренних политических угроз. Важность и эффективность этих технологий, влияние на политические процессы определяют необходимость их социального контроля.

Макеев А. В., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Основы политики национальной безопасности: структурогенез и механизм реализации”, также принадлежит к числу исследователей внешнеполитической деятельности нашей страны.

В трудах этого ученого⁸² впервые в отечественной научной литературе рассматриваются *фундаментальные основы политики в сфере безопасности.* В работах

---

⁸² “Политика и безопасность.” – М. Изд. “Цит-М”. 1998; Политология. Учебное пособие. М. Академия ФСБ. 1998; “Особенности политологического анализа проблем безопасности” // Безопасность. 1996; “Политика и безопасность: взаимосвязь и соотношение” // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и

ученого делается вывод о том, что *основы политики национальной безопасности определяются системой социальных констант, закрепленных в политическом архетипе, совокупностью политических переменных величин, выраженных в их функциональном инварианте.*

Анализируя природу и систему взаимосвязей между политикой и безопасностью как общественными явлениями, ученый раскрывает их генетическую общность, интегративное и целевое начала, выявляет общие координаты поля политики и сферы безопасности в области конфликтного социального взаимодействия, возможности и пределы политического регулирования общественных процессов в интересах безопасности. Исходя из этого, Макеев по-новому рассматривает *объект безопасности, который определяется им как социальное пространство, включающее в себя систему жизненных устоев и ценностей.*

Наряду с упомянутыми положениями в трудах Макеева обосновывается также место политики как организационного начала в обеспечении динамического равновесия социальной системы в условиях энтропии и развития дезорганизационных процессов, определяются причины и конкретные виды проявления процесса политической дезорганизации на трех основных уровнях: в ситуации конфликтной политической обстановки, в условиях политического кризиса и политической катастрофы. Совокупность существенных переменных в сфере политики, связанных с изменениями силы власти, ее состояния, в распределении власти по вертикали и по горизонтали, уровня политических конфликтов, степени общественно-политического согласия, баланса геополитических сил и интересов и др. *Условия эффективности механизма политического регулирования в сфере безопасности, его построение и способы функционирования определяются Макеевым через совокупность таких факторов, как: тип политической системы, сущность политического режима, состояние наличных ресурсов, характер мобилизационных возможностей власти, геополитическое положение страны, соотношение и взаимосвязь между внешними и внутренними угрозами и др.*

Одним из аналитиков внешнеполитической проблематики предстает также Воскресенский А. Д., защитивший докторскую диссертацию на тему: “России и Китаю: проблемы динамики и преемственности межгосударственных отношений”.

В его научных трудах⁸³ впервые введена в научный оборот *концепция многофакторного равновесия, на основе которой рассматривается динамика и преемственность межгосударственных отношений применительно к взаимоотношениям России и Китая.*

политология. 1998, №1; “Культурно-цивилизационные основы политики в сфере безопасности” //На рубеже веков. 1998, №3 и др.

⁸³ “Дипломатическая история Русско-Китайского Санкт-Петербургского договора 1881г.” Москва. Памятники исторической мысли. 1995; *The Difficult Border*, N.V.: Nova Science. 1996; “Царская Россия и Китай в исследованиях последних лет.” М., Институт Дальнего Востока РАН, 1994 г. “Современные

Эта концепция позволяет по-новому рассмотреть известные имперические данные и факты на основе баланса интересов.

Аргументируя попытку рассмотреть и понять динамику и преемственность российско-китайского взаимодействия через призму многофакторного равновесия, ученый пытается показать, каким образом политическое руководство России и Китая может обеспечить безопасность своих стран, построив одновременно отношения стабильного конструктивного партнерства, и избегая при этом непреднамеренных и ненужных конфликтов друг с другом, с соседними государствами и с международным обществом. Знание методов действия крупных держав, делает мир более безопасным.

В своих работах ученый предпринял попытку комплексного политологического анализа проблем многофакторного равновесия, динамики и преемственности межгосударственных отношений, дал теоретическое обоснование целей, задач и структурно-функциональных параметров многофакторного равновесия. Попытавшись сформулировать базисные объективные и субъективные факторы в контексте концепции многофакторного равновесия, Воскресенский увязал их с концепцией интересов и представил оригинальный сопоставительный анализ концепций национальных, государственных и общественных интересов. Впервые в научной литературе им предложена сквозная интерпретация взаимоотношений России и Китая на базе исследования соотношений общечеловеческих, государственных и общественных интересов.

Практическая значимость трудов Воскресенского А.Д. обусловлена давно назревшей необходимостью разработки и апробации альтернативной модели объяснения сложного и противоречивого феномена взаимоотношений между Россией и Китаем, их динамики и преемственности, в особенности с точки зрения объяснения национальных и геополитических интересов России в АТР. Представленная в его работах модель может помочь политикам, дипломатам, военным и научной общественности в координации их усилий по активизации российского диалога с Китаем таким образом, чтобы это не вызвало подозрений международного сообщества и не вредило национальным, государственным и общественным интересам России.

* * *

В третью, в целом пока немногочисленную группу аналитиков-международников, или так называемых страноведов, входят следующие доктора политических наук:

Тюлин И.Г., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Процесс формирования и эволюции современных французских теорий международных отношений и внешней политики”.

Жданов Н.В., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Исламская концепция миропорядка”.

Егорова Е.В., защитившая докторскую диссертацию на тему: “Личностный фактор во внешней политике США в 60–90-е годы”.

Торкунов А.В., защитивший докторскую диссертацию на тему: ”Проблемы безопасности на Корейском полуострове: международно-политические и внутрикорейские аспекты.”

Титоренко В.Е., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Движущие силы и реализация внешней политики АРЕ”.

Панов А.Н., защитивший докторскую диссертацию на тему: “Дипломатическая служба Японии и эволюция японо-советских и японо-российских отношений в послевоенный период”⁸⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Периоду становления всякой науки (и в том числе общественной) предшествует период внутриутробного развития, который может быть достаточно длительным и сложным, но после которого рано или поздно наступает естественный момент рождения. В период внутриутробного развития политической науке в России пришлось преодолеть два сложных этапа: этап 60-х годов, или первых попыток группы молодых ученых легализовать и институировать политическую науку и второй этап – этап конца 80-х годов, или этап институционализации науки, а затем и учебного предмета – политологии.

Что же касается самого периода становления политической науки, то как и у всякой иной науки, он отличается по крайней мере двумя важными особенностями. Во-первых, аморфностью общего состояния, неопределенностью многих составляющих ее сегментов. Во-вторых, на этом этапе создается база науки, что нередко происходит за счет заимствования у идентичной науки в других странах ее определяющих основ. Особенно если эти страны ушли далеко вперед в развитии этой науки. Так случилось и с политической наукой в России. Одна из ее концептуальных основ заимствована на Западе. Хотя в этом нет никакой трагедии, всякая общественная наука должна иметь и собственную, т.е. национальную основу. Иначе и быть не может, поскольку она призвана и исследовать конкретное общество и служить ему. Однако национальная основа политической науки в нашей стране еще очень слаба, так как собственные научные школы и центры, а также центры подготовки профессиональных кадров, которые нужны для этого, только еще формируются.

---

⁸⁴ Более подробные сведения о научных взглядах этой группы авторов можно почерпнуть в упоминавшемся словаре–справочнике “От политической мысли к политической науке”.

Атмосфера, в которой политическая наука институционализировалась в СССР, была не самая благоприятная для независимой науки, какой только и должна быть эта наука. И если бы не перестройка, сопровождавшаяся ослаблением всевластия КПСС, и если бы не деидеологизированность новых властей, российская независимая наука о политике едва ли состоялась бы.

Те десять с небольшим лет, которые прошли с момента институционализации и включения политических специальностей в номенклатуру научных специальностей, несмотря на весьма сложные условия, в которых пребывает вся российская наука, не прошли для политической науки впустую. Уверенно набирают силу научные исследования, зарождаются научные школы, формируются центры, все больше становится факультетов подготовки профессиональных политологов и т.д. В этих центрах проходят становление основных направления нашей политической науки. Не все эти направления разрабатываются в одинаковой мере. Наибольшей популярностью у профессиональных политологов пользуются темы, связанные с национально-государственным устройством, политической культурой, идеологиями, мировой политикой и международными отношениями. При разработке той или иной тематики одна часть ученых делает акцент на теории вопроса, а другая – на практической стороне дела.

Подводя черту и обобщая, можно сделать вывод, что политическая наука в России с трудом, но преодолевает период становления. И если этот процесс не будет прерван, как это уже однажды случилось в нашей истории, можно будет надеяться, что уже в обозримом будущем Россия обретет собственную развитую политическую науку, что безусловно обернется большим благом для нашего общества и государства, поскольку будет способствовать укреплению одной из самых слабых и уязвимых основ всей нашей жизни – политической.